

Елена Паленова

Часть 1

Не злите ведьму

Елена Паленова

Не злите ведьму. Часть 1

Серия «В гостях у ведьмы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69278785

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда в твою жизнь вмешиваются потусторонние силы и чужая воля, даже банальная командировка может стать началом приключений столь необычных, что перестанешь понимать, где заканчивается реальность, и начинается сказка. Колдуны, ведьмы, домовые, леший, оборотни-перевёртыши, запутанные загадки прошлого... А ведь всё началось с простой задачи убедить столетнюю старушку в том, что ей позарез нужен договор пожизненной ренты. (Иллюстрация для обложки создана с помощью нейросети Midjourney. Дизайн – COVEN ART)

Содержание

Глава 1. Тута или тама	4
Глава 2. Марфа, да не та	12
Глава 3. Другое лево	21
Глава 4. Верю – не верю	29
Глава 5. Какая-то связь	39
Глава 6. Дурные вести	48
Глава 7. Подарок с того света	59
Глава 8. Сказка на ночь	66
Глава 9. По закону равновесия	76
Глава 10. Во власти сомнений	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Елена Паленова

Не злите ведьму. Часть 1

Глава 1. Тута или тама

«Машенька, надо съездить в Лесное и посмотреть объект. По фоткам вроде прилично выглядит, но хозяйка в маразме, и не мешало бы убедиться, что дом и правда в жилом состоянии. Да и по документам там наверняка не всё в порядке...» – начиналась эта история до отвращения банально. В наше маленькое агентство, где я ещё и года не проработала, никто сам не обращается. У директора есть какие-то подвязки в соцзащите, поэтому информация о несносных одиноких пенсионерах поступает, как правило, оттуда. Неофициально, естественно. Соцработники и сами со своими обязанностями прекрасно справляются, а нам сливают только проблемных «клиентов», у которых точно нет наследников, и на общение с которыми ни у одного нормального человека никакой нервной системы не хватит. Выгода агентства в таких стариках – недвижимость, которую можно получить по договору пожизненной ренты после смерти собственника.

– В Лесное? – на всякий случай переспросила я, пытаюсь прикинуть, может ли в этом запрятанном в болотах захолустье в принципе быть приличное жильё. – Там же всего одна

улица на двадцать развалюх, две трети из которых уже лет тридцать как необитаемы.

– Угу, – кивнул директор и поправил очки, съехавшие ему на кончик носа.

– И в чём прикол? Мы же этот дом не продадим потом.

– А вот это, Оленева, уже не твоя проблема, – последовал ответ сердитым тоном. – От тебя требуется только оценить состояние объекта и убедить старуху в том, что мы превратим последние дни её жизни в волшебную сказку, если она согласится на ренту.

– Дни? – удивилась я.

– Ей девяносто девять лет, – многозначительно приподнял брови босс. – Отчёт и хоть какой-нибудь результат мне нужны не позднее послезавтра, поэтому сворачивай свою текущую деятельность и выезжай прямо сейчас.

Я не менее многозначительно посмотрела на настенные часы, стрелки которых показывали без четверти четыре часа вечера, и попыталась отстоять своё законное право на личную жизнь.

– Сегодня поздно уже, завтра поеду.

– Через пятнадцать минут ты либо садишься в свою раздолбанную «семёрку» и шуруешь в Лесное, либо кладёшь мне на стол заявление об увольнении по собственному желанию.

Хорошая мотивация, действенная, особенно в моих обстоятельствах. Наш директор умеет быть убедительным –

этого у него не отнимешь. Через пятнадцать минут я с четвертой попытки завела двигатель своего старенького вишневого дуршлага с болтами и выкатилась со стоянки под сочувственные взгляды коллег, наблюдавших за этим действием из окна офиса.

Лесное – это такая глушь, что даже навигатор в моём телефоне из сострадания построил прямой маршрут, чего обычно за ним не водилось. Вечер, пробки, духота... В шесть часов, когда рабочий день в нашем агентстве заканчивался, и все офисные сотрудники расходились по домам, я только из города выбралась на менее забитую автомобилями трассу. До конечной точки путешествия оставалось проехать ещё восемьдесят семь километров прямо, потом ещё двадцать после поворота направо, а дальше дорога начинала так петлять, что и дурак понял бы – там грунтовка. «Чтоб ты провалился, алчный гад», – мысленно пожелала я шефу и сделала остановку на ближайшей заправке, чтобы залить полный бак бензина и купить пару сосисок в тесте и бутылку воды, которые не дадут мне умереть в пути от голода и жажды.

Ну а дальше всё получилось по избитому сценарию для ужастиков. Скорость выше семидесяти километров в час заставляет мою «семёрку» издавать ужасающие предсмертные хрипы, поэтому с трассы я съехала почти в восемь вечера, когда небо уже окрасилось в яркие цвета заката. Ровный асфальт сразу же сменился разбитой бетонкой и пришлось ехать ещё медленнее, чтобы не угробить единственное сред-

ство передвижения окончательно. Следующий съезд – в лес. Восемь километров до моста, потом на развилке налево и... И моя несчастная «семёрка» села ржавым брюхом на очередную кочку, потому что правые колёса провалились в глубокую колею.

– Супер! – констатировала я, послала директору ещё несколько мысленных проклятий, заглушила двигатель, закрыла машину на ключ, закинула на плечо сумку с ноутбуком, сунула в рот один из пирожков и пошла дальше пешком.

Ночь, лес, непривычные звуки... Когда я устраивалась на эту работу, в описании вакансии основными требованиями были указаны наличие юридического образования и стрессоустойчивость, но про отсутствие боязни темноты там ничего сказано не было. Батарея у телефона практически села, Интернета нет. Я запомнила, что идти нужно всё время прямо ещё километров шесть, и выключила навигатор, чтобы приложение не тратило энергию. С включенным фонариком остатка заряда хватило на двадцать минут, после чего на меня обрушилась крошечная тьма во всём её пугающем великолепии.

Я трусиха. Мои родители решили завести второго ребёнка через семь лет после того, как завели первого, и моему старшему брату-эгоисту эта идея не понравилась. Его любимым развлечением было пугать меня всем подряд, включая Бабаек и прочих чудовищ, которые приходят по ночам и утаскивают маленьких девочек в Ад. Глупости, конечно, и с воз-

растом я начала понимать, что он меня обманывал, но страхи остались. Много страхов.

«Хр-р-р... Уи-и-и...» – заскрипело что-то сбоку от дороги.

«Это сухое дерево скрипит от ветра», – уверенно сказала себе я и полезла в сумку, сообразив, что дорогу можно подсвечивать ноутбуком, который, к моему превеликому счастью, был заряжен полностью.

«Хр-р-р... Хр-р-р...»

Дрожащие пальцы нащупали на клавиатуре кнопку включения, но от бледного сияния экрана при загрузке толку не было никакого, а неприятный и очень подозрительный хруст с каждым мгновением становился всё ближе, навевая мысли о голодных лесных хищниках, психически неуравновешенных лосях и прочей лесной живности, встречаться с которой у меня не имелось ни малейшего желания.

– Кто здесь? – громко спросила я, чувствуя, что сердце от страха колотится уже не в груди, а где-то гораздо ниже.

– Вот и мне интересно, кого это нелёгкая ночью по огороженной территории носит, – скрипуче прозвучало в ответ мужским голосом, и в глаза ударил ослепляющий луч света. – Ты кто такая?

Ноутбук выпал из рук, шмякнулся на землю и закрылся.

– Здравствуйте, – нервно поприветствовала я неизвестно кого, прикрывая рукой глаза и искренне надеясь, что наткнулась в ночном лесу на адекватного человека, а не на како-

го-нибудь маньяка. – Мне в Лесное надо. Машина застряла здесь недалеко, телефон сел...

– Так Лесное в другую сторону, – прозвучало в ответ. – А здесь частное охотхозяйство. Шлагбаум не видела что ли?

– Не видела, извините, – честно призналась я.

– Как его можно не увидеть, если он закрыт? Я сам вечером закрывал.

– Да не было там никакого шлагбаума, – немного успокоилась я, сообразив, что общаюсь со сторожем. – Я по навигатору всё время ехала. За мостом налево, потом прямо...

– Так надо было не прямо, а в другое лево сразу свернуть, – усмехнулся собеседник. – Это старая дорога, её уж лет десять как перекрыли. А тама новую отсыпали, как болото пересохло. Прямоком к Лесному километра два от развилки всего получается.

– На карте другой дороги нет, – упрямо возразила я.

– Ты ещё спорить со мной будешь? – удивился сторож. – Давай-ка, красавица, гуляй в обратную сторону, пока я шум не поднял. Тута у кабанов лежище недалеко, меня-то они не тронут, а от тебя только чоботы и останутся.

– Кто останется? – зачем-то переспросила я.

– Обувка твоя, – проворчал мужчина. – Давай, иди отсюда. До шлагбаума я тебя провожу, а дальше сама топай. Машина ещё твоя... И опять в мою смену, как проклял кто.

Не знаю, кто его проклял, и как именно, но это проклятие определённо было заразным, поскольку немного позже

шламбаум обнаружился именно там, где ему и полагалось быть, причём закрытый, а моя машина чудесным образом исчезла. Судя по муравейникам и другим приметным ориентирам, я шла именно этой дорогой, но возвращались мы дольше, и я даже с твёрдой уверенностью могла указать место, где застряло многострадальное авто, но бугор с глубокой колеёй там был, а «семёрка» пропала. И шламбаум с большой табличкой «Охотничье хозяйство» располагался дальше – я никак не могла его объехать.

– Как, говоришь, тебя звать? – задумчивым тоном поинтересовался сторож, до этого не проявлявший никакого желания знакомиться и общаться.

– Маша, – расстроено отозвалась я, предчувствуя долгие завтрашние поиски оставленного где-то на лесной дороге автомобиля.

– Маша... А полное имя?

– Марфа.

Свет фонарика снова ударил мне в лицо.

– О как! – удивился мужчина. – А не молода ты для Марфы-то?

Вопрос прозвучал так неуместно, что я не нашлась, как на него ответить. Ночь, лес, я заблудилась, у меня машина пропала – как-то не до рассуждений о том, к какому возрасту какое имя подходит.

– Ладно, не моё это дело, – сжалился надо мной сторож и отвёл луч светодиодного фонаря в сторону. – Раз Марфа,

то идём.

И пошёл обратно.

– Куда идём? – опешила я.

– В Лесное, куда ж ещё-то?

– Так оно же в другой стороне!

– Тебе тут идти надо, – прозвучало в ответ.

– А почему не тама? – разозлилась я, передразнивая его безграмотное произношение указательных наречий.

– Потому что надо тут.

Вот что на это скажешь? «Бред какой-то», – подумала я и зашагала следом за незнакомцем, потому что у него хотя бы был фонарик, и вдвоём шастать ночью по лесу не так страшно даже в такой странной компании. Но на этом странности не закончились. Дойдя до того места, где мы встретились, сторож выключил фонарь и неожиданно извинился за то, что сразу не спросил моё имя. Я сказала, что извиняться было необязательно, а в ответ услышала: «Нет, обязательно. Иначе проблем потом не оберёшься». И вишенкой на торте странностей прозвучала следующая фраза: «Тебя леший нужным путём вёл, а я, дурень старый, вмешался».

– Леший? – переспросила я, борясь с навязчивой мыслью, что сплю и вижу какой-то дурной сон.

Ответом на этот вопрос была тишина, нарушаемая лишь уже привычным «Хр-р-р... Уи-и-и... Хр-р-р...»

Глава 2. Марфа, да не та

Я потеряла ноутбук. Несла его в руках так, чтобы свет от экрана падал на дорогу, а потом споткнулась о какой-то корень, упала, и снова стало темно. Всю землю вокруг руками обшарила, на четвереньках ползала – бесполезно. Зато нащупала что-то мягкое, что с писком шарахнулось в сторону, заставив меня с визгом бежать, не разбирая пути. Не знаю, как кабанов, но такими воплями можно было всех лесных обитателей перебудить. Закончилась пробежка падением лицом во что-то рыхлое – кажется, в муравейник. Моя стрессоустойчивость не была рассчитана на такие перегрузки, поэтому совсем скоро я достигла состояния, близкого к истерике.

С дороги я, естественно, сбилась. Темно, страшно... Под ногами начало хлюпать болото, и идти дальше было просто глупо. Нашупав более-менее твёрдую почву у шершавого соснового ствола, я села, прислонилась к дереву спиной, обхватила себя руками, закрыла глаза и начала глубоко дышать, чтобы хоть немного успокоиться. Получилось, но ненадолго – стоило открыть глаза, и сразу же начался очередной лесной спринт с препятствиями, поскольку какое-то животное успело тихонько подкрасться, чтобы меня обнюхать, и фыркнуло прямо мне в лицо. Хорошо, что я не ношу юбки, и мой рабочий гардероб состоит из двух брючных костюмов

– зимнего и летнего. В юбке и на каблуках я бы далеко не убежала. В узких брюках и балетках тоже было не слишком удобно перемещаться по мокрым болотным кочкам, да и пиджак стеснял движения, но мне в тот момент было как-то не до удобств. Остановилась перевести дух, прислушалась, повернула голову и поняла, что что-то держит меня за волосы. Рванулась в сторону, потеряла заколку, снова побежала... Не знаю, сколько это продолжалось, но в итоге я чуть не переломала ноги, наткнувшись на поваленное дерево, и растянулась на влажной траве с мыслью о скорой смерти.

Время шло, я лежала, но больше ничего не происходило. Мысли вяло вращались вокруг потерянных вещей – машина, ноутбук, сумка... Телефон остался в сумке, поэтому его я тоже лишилась, а отыскать что-либо из перечисленного, даже если удастся дожить до утра, мне вряд ли светило. Машину разве что – она же большая, и где-то на дороге стоит. А вот паспорт придётся восстанавливать – я же не знаю, где бегала, и не помню, в какой момент бросила сумку, чтобы она мне не мешала. «Блин, тут бы выжить, а я о паспорте волнуюсь», – проползла в голове очередная мысль, вслед за которой начался острый приступ жалости к себе, заставивший меня разразиться слезами. Съездила в командировку, ничего не скажешь.

Наверное, где-то в промежутке между очередной порцией проклятий и слезами я умудрилась заснуть, потому что пришла в себя от громкого петушиного крика, раздавшегося

где-то совсем рядом. Сообразила, что петухи в лесу не водятся, заставила себя сесть и обнаружила, что нахожусь не в лесу, а в деревне. Точнее, не в самой деревне, а рядом с ней – на старом, заброшенном кладбище. Спала я на чьей-то безымянной могилке, а споткнулась ночью о стёсанный с одного бока обрубок бревна, приспособленный здесь вместо лавочки. В предрассветных сумерках было плохо видно, что находится вокруг, но по редким облезлым оградкам, ржавым крестам и сохранившимся с незапамятных времён пластиковым цветам, в которые я при падении едва не уткнулась носом, установить местонахождение было несложно.

Стало неловко. Я не религиозная и не суеверная, но браниться на кладбище и сыпать проклятиями в чей бы то ни было адрес всё-таки нехорошо. Доползла до бревна, ощупала руки и ноги на предмет повреждений – синяков наверняка полно, но кости вроде бы все целы. А вот костюм... «Мда... И как я теперь в таком виде на люди покажусь?» – подумала я, представляя вытянутые лица деревенских жителей, когда я выйду с кладбища ободранная, грязная и косматая. Решила, что не сдвинусь с места, пока не станет достаточно светло, чтобы хоть немного привести себя в порядок. А когда стало достаточно светло, я с удивлением обнаружила, что могилка, на которой я спала, вовсе не безымянная – на ней просто креста не было. «Оленева Марфа Алексеевна», – прочитала я на крошечной железной табличке едва различимую, выцветшую надпись. Моя полная тёзка, только умерла

она больше полувека назад.

Стало жутко. Сначала странные ночные приключения, а теперь вот это. Попыталась вспомнить, справа налево надо креститься или наоборот, но так и не вспомнила, поэтому просто втянула голову в плечи и поспешила убраться оттуда, куда меня привёл упомянутый сторожем леший. Леший – это ведь нечисть. Кладбище – святая земля. Как нечисть может кого-то на святую землю привести?

Мне бы о машине подумать, о ноутбуке и документах потерянных, но думалось почему-то о загадочном стечении обстоятельств. Ну не случайно же это всё. Не может быть случайностью. И странная фраза сторожа вспомнилась: «Тебе тут идти надо». Был в этом всё какой-то сакральный смысл, мне недоступный, а я так не люблю. Я люблю, когда всё ясно и логически объяснимо.

Ограды вокруг кладбища не было. Имелась только затянутая ряской канава шириной метра в полтора, поэтому пришлось идти вдоль неё, пока на глаза не попался узкий дощатый мостик, за которым – ура! – начиналась тропинка. Ведь если есть тропинка, значит, её кто-то протаптывает. И петух тоже есть, которого в дикой природе уже давно слопал бы какой-нибудь хищник. Двигаясь на звонкое «Кукареку!», минут через пять я наконец-то увидела между деревьями просвет, а потом услышала звук работающего автомобильного двигателя и чуть ли не вприпрыжку помчалась вперёд на крыльях радости от скорой встречи с живыми людьми.

Велико же было моё удивление, когда обнаружилось, что милый сердцу рычаще-дребезжащий звук издаёт моя собственная вишнёвая «семёрка», которую пытался загнать во двор одного из стареньких деревенских домиков какой-то мужик.

– Эй! – возмущённо заорала я и побежала вперёд, сочтя осмотр местных достопримечательностей делом не перво-степенной важности.

Естественно, меня никто не услышал, и авто вместе с водителем скрылось за частым невысоким штакетником, густо увитым девичим виноградом. Двигатель заглох, с грохотом захлопнулась передняя дверь, которая и так держалась на честном слове. К тому моменту, как я влетела, негодую, в распахнутые ворота, во дворе уже не было никого, если не считать толстого рыжего кота, с ленивым прищуром поглядывавшего на меня с верхней ступеньки невысокого крыльца. «Ну хоть машина цела», – сердито подумала я, заглянув в салон через стекло, и сразу же совершенно непрезентабельно раскрыла рот от изумления, поскольку на заднем сиденье моей развалюшки лежали потерянные мной ноутбук, сумка и даже телефон.

«О-бал-деть...» – это всё, что мне тогда пришло в голову. Будь в замке зажигания ключ, я бы молча села за руль и попыталась уехать, но ключа, увы, не было. Видимо, его забрал тот, кто пригнал машину, поэтому пришлось побеспокоить хозяев дома громким стуком в дощатую дверь. Открыли мне

почти сразу.

– О как! – прозвучало удивлённо и до отвращения знакомо тем самым скрипучим голосом, который я слышала ночью.

Мужу на вид можно было дать лет шестьдесят, если не больше. Не слишком высокий, коренастый, седой. Точнее, не совсем седой – аккуратно подстриженные волосы остались на его голове только вокруг большой блестящей проплешины, открывающей широкий лоб.

– Ключи от машины отдайте, – свирепо потребовала я, даже не подумав поблагодарить незнакомца за то, что он нашёл где-то в лесу мою четырёхколёсную развалюшку и всё остальное имущество.

– И тебе утро доброе, – задумчиво отозвался он, повернулся и крикнул в дом: – Мать! Иди сюда!

Я начала закипать. Мало того, что этот гад ключи отдавать не хочет, так ещё и зовёт кого-то, чтобы показать то чучело, в которое превратила меня ночная беготня по болотам. Думаю: «Ладно, сейчас я вам устрою развлечение!», а сама на всякий случай с крылечка-то попятилась – мало ли, а вдруг его «мать» сейчас с вилами из дома выскочит. Места-то дикие, нецивилизованные, и люди здесь наверняка такие же.

– Мя-я-я! – истошно завопил позади меня котяра, которому я умудрилась наступить на хвост, поскольку не заметила, когда это животное успело спуститься по ступенькам вниз. Не до кота как-то было.

– Да блин! – взвизгнула я, теряя остатки терпения, и отпрыгнула в сторону.

Кот наградил меня негодующим взглядом, дёрнул хвостом и с оскорблённым видом скрылся за приоткрытой дверью дома, откуда в следующий момент из-под мясистой руки мужика выглянула сухонькая, скрюченная в три погибели старушка. Сначала я заметила только большую родинку возле её носа и нелепую розовую панаму на торчащих в разные стороны, неровно остриженных волосах, а потом обратила внимание и на остальное одеяние, состоявшее из длинной ярко-малиновой футболки с принтом «Китти» и коротких бриджей леопардовой расцветки. Я таращилась на неё, а она – на меня.

– Ты кто такая? – наконец-то прозвучал вопрос.

– Оленева Марфа Алексеевна, хозяйка этой машины, – представилась я, указав рукой в сторону «семёрки». – Отдайте мне ключи, и я уеду.

– Ключи? – непонимающе нахмурилась старушка и задрала вверх острый подбородок, чтобы посмотреть в лицо мужику и сообщить ему: – Это не та Марфа.

– Её леший вёл, – пожал тот плечами в ответ, а я начала подозревать, что судьба-злодейка свела меня с сумасшедшими.

Психи – это плохо. С ними очень сложно общаться, а ещё они потенциально опасны, поэтому я сделала ещё пару шагов назад и повторила своё требование, но уже более вежливо.

– Ключи от машины отдайте, пожалуйста, и я уеду. Простите, что побеспокоила...

– Тебе же вчера в Лесное надо было, – напомнил мне мужик.

– А вы вчера говорили, что работаете сторожем в охотхозяйстве, – огрызнулась я, забыв об осторожности.

– Не говорил я такого, не ври, – нахмурился он.

– Тебе, милая, годков сколько? – сощурилась старушка и так поморщилась, будто ей вместо спелого яблока кислятину незрелую подсунули.

– Да какая разница-то, сколько мне лет? – в отчаянии закатила я глаза. – Я случайно здесь оказалась. Вы сами сказали, что я не та Марфа, которую вы ждали, поэтому просто отдайте мне ключи.

– Вот заладила-то, – нахмурилась бабуля. – Ключи ей отдай... Тебе имя кто дал? Папка или мамка?

– Никто! Сама я себе имя такое дала, потому что прежнее не нравилось. И фамилия мне от бывшего мужа досталась. Климова я по родителям, а до совершеннолетия была Элеонорой. Всё? Вопрос исчерпан?

Старушка ещё сильнее сдвинула брови и задумчиво пожевала своими морщинистыми губами новую информацию.

– Климова Леонора Лексевна... Не, точно не то.

– Вот и я говорю, что не то, – обрадовалась я. – Вы мне ключи...

– Да тьфу на тебя! – сердито рыкнула бабуля. – Пристала

со своими ключами хуже репья. Борь, отдай ей ключи, и пусть едет отседова, куда она там собиралась.

Мужик пожал плечами, сунул пятерню в карман и вынул оттуда мой брелочек с силиконовым сердечком.

– Лови!

Брелок описал дугу в воздухе и упал прямо мне под ноги.

– Спасибо, – проворчала я, поднимая его с земли. – В какой стороне тут у вас шестнадцатый дом?

Хозяева переглянулись и оба уставились на меня, как на ненормальную.

– А тебе кто тама нужен? – подозрительно сощурился Борис.

– Никулина Клавдия Ильинишна, – хмуро сообщила я, предчувствуя неладное.

– Ну так я и есть Ильинична Клавдия, – криво и неуверенно улыбнулась старушка. – И двор этот шестнадцатый как раз.

Я набрала полную грудь воздуха, закатила глаза и шумно выдохнула.

– Супер!

Глава 3. Другое лево

Карту нашего региона я знаю наизусть, и второго населённого пункта с названием Лесное на ней нет. А даже если бы другая деревня и имелась, то вряд ли там в доме номер шестнадцать жила бы Никулина Клавдия Ильинична, которой девяносто девять лет от роду. Когда имеющаяся в наличии Клавдия Ильинична показала мне свой паспорт, я решила, что это уже не совпадение, а просто какая-то издёвка.

– Чаво? Это я-то иждивенка? – непонимающе моргнула старушка после того, как я сообщила ей о том, что агентство направило меня сюда с предложением о заключении договора пожизненного содержания с иждивением.

Во-первых, для своего солидного возраста она была довольно-таки бодрой и умирать в обозримой перспективе точно не собиралась. Во-вторых, у неё имелся законный наследник – сын Борис. Отец троих детей, дед семерых внуков и прадед одного правнука. Родни хоть отбавляй, а это точно не наш профиль. И в-третьих, дом с землей, представлявшие интерес для агентства, уже давно были переоформлены на этого самого Бориса, который наотрез отказался называть своё отчество, разрешив мне обращаться к нему просто по имени.

– Наверное, какая-то ошибка произошла, извините, – виновато пробормотала я, чувствуя себя крайне неуютно под

взглядами ошарашенных моим предложением хозяев. – Я всё-таки поеду, да? Раз такое дело...

– Угу, – кивнула Клавдия Ильинична. – Ехай, милая, ехай...

– В русском языке нет слов «ехай», «тута», «тама» и «зде-ся», – разочарованно ляпнула я на прощание, уселась за руль, завела двигатель – о чудо! – с первого раза и выкатилась со двора на песчаную грунтовку.

Всё время прямо, через пару километров направо к реке, через мост... Всё тело болело так, будто меня до утра ногами пинали. Костюм превратился в рваную тряпку. Хорошо ещё, что перед беседой с Никулиными умылась и протирала расчёской то воронье гнездо, в которое за ночь превратились мои и без того непослушные волосы. Но даже после этого внешний вид оставлял желать лучшего, поскольку некрасивые царапины, оставленные на лице ветками, смыть было никак нельзя. Мне одного взгляда в зеркало хватило, чтобы прийти в ужас и вспомнить о том, что я уже несколько часов не проклиная своего работодателя, хотя он этого заслуживает.

Прямо, направо, через мост... «И как только они живут в этом Лесном? Газа нет, Интернета нет, отопление печное, вода в колодце, туалет на улице...» – думала я, раздражённо морщась, когда машину безжалостно подбрасывало на очередном толстом корне, торчащем из песка поперёк дороги. Вот что заставляет людей жить в такой глухомани? Пять жи-

лых домов на всю деревню. Пять! Ни магазина поблизости, ни поликлиники, ни аптеки, а там же старики одни.

Прямо, через мост... Стоп! Я же уже проезжала этот мост!

Очень приметный мост – бревенчатый, сверху покрытый досками, уложенными по ходу движения, а не поперёк. Ненадёжная конструкция без малейшего намёка на перила. Логично было предположить, что таких мостов на этой узенькой речушке может быть несколько, но конкретно возле этого росла кривая сосна, которую нельзя было спутать ни с какой другой.

– Да вы издеваетесь, – вслух выразила я своё недоумение, переехала через мост на противоположный берег реки и минут через десять вдавила педаль тормоза в пол, потому что снова оказалась перед этим же самым мостом. – Ну и как это понимать?

– Мяу... – неуверенно донеслось с заднего сиденья.

Толстый рыжий кот. Тот самый.

– А ты как сюда попал? – с тяжёлым вздохом спросила я, понимая, что не смогу просто вышвырнуть зверюгу из салона.

Кошки отлично умеют ориентироваться на местности и превосходно находят дорогу домой, а тут от моста до деревни совсем недалеко было. Наверняка котяра и сам бы вернулся, но он так тоскливо заглядывал мне в глаза, что рука не поднялась взять его за шкурку и высадить в придорожную траву.

— Ладно, поехали назад, — недовольно поморщилась я, сдала назад, развернула автомобиль на небольшой полянке и покатила в обратном направлении.

Развилка. Та самая. «В другое лево надо было свернуть...» — вспомнила я вчерашние слова Бориса, только никакого «другого лево» там не наблюдалось. Развилка штанами расходилась всего в двух направлениях, что было очень и очень странно — я ведь только что отсюда приехала, и через зеркало заднего вида своими глазами видела, что дорог было три. Ну ладно бы ночью это всё — ещё можно было бы списать на темноту и невнимательность, но утром! Это уже был вызов не только моей стрессоустойчивости, но и здравому смыслу тоже. «Поеду налево до шлагбаума», — решила я и упрямо сдвинула брови.

Кряк!

Правые колёса сползли в глубокую колею, которую я не видела в упор, а машина благополучно села брюхом «на мель» на том же самом месте, где и вчера. Глупо хихикнув, я заглушила двигатель, вытащила из салона кота, забрала только документы, оставив на заднем сиденье бесполезную технику, закрыла машину на ключ и пошла вперёд.

В свете начинающегося дня лес выглядел не таким пугающим, как ночью. И заросшую сочной травкой двухколейку было видно превосходно, что тоже немаловажно. Я шла, шла... Кот то обгонял меня, то отставал, но всё время держался поблизости. В какой-то момент он шмыгнул влево от

дороги и начал истошно орать, привлекая моё внимание. «Да пошёл ты... Сам дорогу найдёшь», – сердито подумала я и продолжила путь дальше.

Не тут-то было! Этот рыжий нахал догнал меня и с разбегу вцепился в ногу когтями, издавая при этом не столько мяуканье, сколько вой.

– Больно, блин! – возмутилась я, отцепив от порванных штанин когтистые лапы. – Ты совсем сдурел что ли?

– Мя-а-а-о-о-у-у! – провыл кот, забежал вперёд, выгнув спину дугой и зашипел.

Мне всё это надоело до чёртиков, поэтому было принято решение вернуться назад, дойти до моста, а потом до ближайшей деревни, где можно будет найти нормальных людей и помощь.

– Мя-а-а-а! Мо-о-у-у-у! – через несколько шагов снова преградил мне путь ненормальный котяра.

– Ну чего тебе от меня надо? – раздражённо всплеснула я руками. – Отстань!

Он задрал хвост трубой и ушёл с дороги в лес, откуда снова раздался противный кошачий вой. Я остановилась, закрыла глаза и заставила себя мыслить логически. Это ведь кот. Просто кот, причём старый. Он живёт здесь уже очень давно и наверняка зовёт меня домой – в Лесное. Помощи там ждать, конечно, не от кого, но хотя бы люди есть, а по этой лесной дороге я могу топать в одиночестве неизвестно куда ещё очень долго. Утро, птички, комары, дятел где-то стучит

– не ночь ведь, не страшно.

– Хорошо, веди, дурень усатый, – проворчала я и тоже сошла с дороги.

Не знаю, сколько времени мы шли, потому что часы у меня имелись только в телефоне, который был разряжен и остался в машине. Не очень долго. Тропинки там не было – только мох, трава, земляничные и черничные полянки. Немного правее имелось болото с тощими деревцами и высокими кочками, по которым я наверняка скакала прошлой ночью. Кот уверенно провёл меня мимо этого гиблого места к высокой насыпи через канаву, вскоре преградившую нам путь. Та самая канава. Те самые низенькие холмики могил с железными табличками. Облезлые оградки, редкие кресты, давно выцветшие пластиковые розочки... «Если сейчас эта рыжая гадина приведёт меня на могилу Марфы Оленевой, у меня будет истерика», – оценила я своё моральное состояние и с тяжёлым вздохом пошла на очередное громкое «Мя-а-о-у-у-у!» через кладбище.

– И что дальше? – нервно дёрнув щекой поинтересовалась у кота, когда он сел на стёсанный обрубок бревна возле упомянутой могилки и начал вылизывать испачканные землёй лапки.

Я не верю в мистику. Не верю в Бабаек, леших, ведьм, чертей, домовых, русалок и прочую нечисть. Верила, когда была ребёнком, но мне уже двадцать восемь, за плечами юрфак, неудачный брак и много чего ещё. Ко всему сверхъестествен-

ному я отношусь скептически, но толерантно – если люди хотят верить в подобное, то кто я такая, чтобы лишать их этой веры? Для меня логика присутствовала всегда и во всём, но только не в этот раз.

– Ну а тебе-то чего от меня надо? – хмуро поинтересовалась я у могильного холмика, чувствуя себя при этом круглой душой.

– Видать, чего-то всё-таки надо, раз ты опять тут, – раздался за моей спиной голос Бориса. – Батон без нужды тебя назад бы не привёл, он чужих не любит.

– Батон? – повернулась я на голос и с идиотской усмешкой уставилась на деда. – Вашего кота зовут Батон?

– Вообще-то его звали Булочкой, пока яйца не выросли настолько, что стало понятно, что это Батон, – последовал ответ с такой невозмутимостью, что истерика у меня всё-таки случилась.

Смеялась я долго, громко и до слёз, что на кладбище точно было неуместно. Борис хмуро наблюдал за тем, как я прижимаю руки к животу и судорожно хватаю ртом воздух в коротких перерывах между приступами смеха. Коту такое неуважение к покою усопших тоже пришлось не по душе, и он утопал в направлении деревни. Когда основная часть накопившихся эмоций выплеснулась, пришло осознание того, что я поступаю неправильно, и пришлось извиняться, но сделанного ведь уже не вернёшь.

– Ступай к Клавдии, а я твою машину пригоню, – недо-

вольно пробубнил Борис и ушёл через кладбище вглубь леса, оставив меня наедине с угрызениями совести.

«Интересно, как он её пригонит, если ключи у меня в сумке лежат?» – подумала я, глядя ему вслед, но вслух ничего не сказала. Если ухитрился ночью мой телефон в болоте отыскать, то и с этой задачей справится. Наверное.

Глава 4. Верю – не верю

– На вот одёжу другую. Всё одно не уйдёшь отседова, пока не поймёшь, зачем пришла.

Клавдия Ильинична сунула мне в руки чистую футболку, спортивные штаны и растоптанные шлёпанцы.

– Как это «не уйду»? – подозрительно поинтересовалась я, не имея намерения оставаться ни в этом доме, ни в этой треклятой деревне.

– Не отпустит тебя Марфа, – пояснила старушка, уселась за стол, подпёрла острый подбородок кулаками и задумчиво вздохнула. – Бабка это моя. По отцу. Я болезная родилась, безнадёжная, а она меня выходила, от смерти здесь спрятала, лес этот беречь наказала. Места-то тута особенные. Сила в земле большая. Никто не чувствует силу эту, а я её нутром чую. Вот как перейду через мост, так сразу плохо делается, а здесь легчает сразу. Сто лет уж скоро стукнет, а у меня по сей день все зубы целые, такая тута сила. Во!

Старушка ослабилась, продемонстрировав мне два ряда пожелтевших, но ровных и крепких зубов, а я мысленно закатила глаза, наотрез отказываясь верить в реальность происходящего.

– Не перейдёшь ты мост, – последовало очередное пророчество. – Ехать ли будешь, идти, всё одно леший тебя сюда воротит, потому как вестник должен весть передать, а у меня

даже догадок нет, каких вестей от тебя ждать можно.

– Вестник? Я?

– Угу, – кивнула Клавдия Ильинична в ответ. – Вестник. Ты. Не первая такая, только прежние намного старше были. Имя-то редкое, так теперича никто детей не называет. Бабка говорила: «Как объявится здесь Марфа какая, так знай, что от меня это весточка. К худу ли, к добру – помнить и на том свете буду, что нужна тебе. Лес сам вестницу нужной тропой поведёт, ты не вмешивайся. Всё само разрешится. Помогай, ежели надо, а препятствий не чини даже тогда, когда тебе всё неправильным будет казаться». Вот сейчас вижу, что неправильно всё, и странная ты какая-то, а ничего не попишешь.

– Это я-то странная? – криво усмехнулась я. – Вы бы себя сейчас со стороны послушали. Лес меня сам куда надо выведет, а до тех пор покойница мне выйти из него не позволит. Как в сказке прямо – чем дальше, тем загадочнее и страшнее. Только я давно уже из сказок выросла. Я реалистка, Клавдия Ильинична.

– Угу, – снова кивнула старушка. – Ну так объясни мне тогда, реалистка, чего ты кругами тут ходишь и на могиле бабки моей постоянно оказываешься? Была у нас одна такая неверующая. По лисички приезжала. От своих отбилась, заблудилась. Всё уйти хотела, а оно никак. Леший неделю её к роднику у реки выводил. Я ей говорю: «Думай, дура. Остановись, перестань бегать. Надо просто понять, что тебя сюда привело». А ей хоть кол на голове теши – крестится только

и бегают кругами. Так и померла возле родника того от инфаркта.

— А смысл? — скептически приподняла я бровь. — Весть-то она никакую так и не передала.

— Ну отчего же не передала-то? — возразила Клавдия Ильинична. — Ближе к осени в том же году мясокомбинат в нашу реку столько пакости сбросил, что три года потом воняло, и рыба вся кверху брюхом плавала. Родники только чистыми и остались. Нам-то без надобности, у нас колодец есть, а дальше по берегу лагеря пионерские тогда были, для них воду насосами из реки качали. В последнюю смену как раз это всё и случилось. У Марфы той муж на заводе этом работал, вот её сюда и привело. Они же постоянно сбросы делают, только говорить об этом не принято. На очистных экономят.

— И как по-вашему она должна была всё это сопоставить, чтобы какие-то выводы сделать?

— Да я-то почём знаю? — пожала плечами старушка. — Другие-то как-то сопоставляли. В восемьдесят втором вон... И потом... Как беда какая сильная грядёт, так Марфа и шлёт мне весточку, предупреждает. Пожар лесной раз отвели благодаря ей. Детей вывезли отседова перед паводком сильным. И про хозяйство это охотничье она предупреждала, что плохо будет, а толку-то? Аренда у них, по закону всё. Они ж чуть вверх по течению отвод от реки под пруды сделали, рыбу там разводят и уток. А из-за них болото пересохло. Знаешь,

сколько клюквы раньше было тама, где дорога сейчас? М-м-м... Корзинами носили. Крупная, ягодка к ягодке. А пользы в ней куда больше, чем в апельсинах этих импортных. И где теперь та клюква? А Марфа лес этот всё одно любит. И людей, что живут здесь, тоже не оставляет. Я думала, что осерчала она на нас из-за охотников этих. Давно вестей не было от неё. Лет десять, наверное. Нет, больше. А тут ты появилась, как снег на голову. Не забыла она нас. Помнит обещание своё.

– Ага, Марфы просто перевелись, вот она и помалкивала, – съязвила я и прислушалась к шуму на улице.

– Глупая ты, – обиделась старушка, выглядывая в окно. – Борька вон тоже не верил, а пацанов своих всё одно в город к тёще увёз, когда про паводок весточка была. Дело ведь не в том, веришь ты или нет. Сегодня не веришь, завтра уверуешь, потом сызнава разуверишься... Сказать она что-то хочет через тебя, понимаешь? Предупредить. И то, что вы тётками полными оказались, тоже не случайно. И на могилку её леший раньше не водил никого. Понять бы.

– Угу... – нахмурилась я и принялась шарить по сумке от ноутбука, пытаясь найти брелок с ключом от машины, которую прямо в этот момент снова загонял во двор Борис.

Ключ исчез. Я положила его в маленький внутренний кармашек, там застёжка надёжная, и выронить что-либо просто невозможно. Но ведь куда-то он делся. Точнее, я подозревала, куда делся ключик, только не понимала, как старому

проныре удалось его вытащить.

— Борька не один приехал, — сообщила мне Клавдия Ильинична. — Вторая машина за ним вон едет. Сегодня какой день недели?

— Четверг, — кисло отозвалась я, прикинув, что сейчас вторая машина тоже заедет во двор и перекроет мне выезд.

— Четверг... — задумчиво потёрла нос старушка. — Четверг... Ну да, точно. На четверг мы и договорились. Послушай, милая, ты посиди во дворе пока, это ко мне люди приехали. Я тебе потом комнату покажу, хорошо?

— Да не надо мне никакую комнату, уезжаю я, — натянуто улыбнулась я ей. — Спасибо только сыну вашему за машину скажу, а потом сразу поеду. И вам тоже спасибо за интересный разговор.

Она снова посмотрела на меня, как на умалишённую, и закивала.

— Ну-ну. Ехай, ехай. Бензина-то много, небось. Можно долго кататься. А к твоему возвращению я уже тута освобожусь как раз.

— Прощайте, Клавдия Ильинична!

Я специально сделала ударение на первом слове, чтобы старуха поняла, что у меня нет ни желания, ни намерения возвращаться. Положила предложенную ею смену одежды на стул, забрала сумку и вышла на крыльцо, а когда переступала порог, услышала за спиной:

— Прощаю, Марфушка. Отчего ж не простить хорошего-то

человека?

Дурдом. К счастью, у Бориса хватило ума пропустить машину гостей во двор первой, и моя «семёрочка» осталась стоять на траве за забором, поскольку места для неё перед домом не хватило. Сам хозяин в этот момент подал руку пассажирке чистенького серебристого внедорожника, помогая даме спуститься с высокой ступеньки. А водитель этого самого внедорожника во все глаза таращился на меня. Немудрено – я же как кошка ободранная выглядела.

– Здравствуйте, – небрежно бросила незнакомцу и, задрав подбородок, с гордым видом прошагала мимо него к Борису за ключами от моей машины.

Я не разглядывала водителя иномарки, у него просто внешность выдающаяся и хорошо запоминающаяся – высокий, худой, узкое лицо, впалые щёки, тонкий нос, возраст старше среднего. Неприятный тип. А вот его спутница оказалась очень даже симпатичной круглолицей женщиной, только вид у неё был какой-то болезненный. Впрочем, я тогда тоже выглядела далеко не праздничным тортиком, поэтому придираться к внешности случайных людей с моей стороны было бы свинством.

– Добрый день, – мимоходом кивнула я женщине и потеряла к ней всякий интерес. – Борис, отдайте ключи, пожалуйста.

– Да, сейчас, – он пропустил женщину вперёд, сунул руку в карман своих джинсовых штанов и протянул мне брелок. –

Маш, подожди минутку, ладно? Не уезжай. Разговор есть.

– Хорошо, – пожала я плечами и пошла к машине.

У нормальных людей в салоне автомобиля есть если не магнитола современной модели, то хотя бы переходник, который можно куда-то воткнуть, чтобы зарядить телефон. У меня не имелось не то что такого устройства, а даже представления о том, куда оно втыкается. А всё почему? Потому что я дура. Не в том плане, что у меня технический кретинизм, просто денег нет на такие излишества, вот я и не загружаю свою голову информацией, которая мне не пригодится. Магнитола есть, да – старая, как и сама машина. Нерабочая. А дура я потому, что замуж по любви вышла, а не по расчёту. Вышла бы по расчёту, не задумывалась бы о том, как в лесу зарядить разряженный телефон. Можно было, конечно, задержаться на полчаса, сунуть адаптер в розетку в доме гостеприимной семейки Никулиных, но меня от этих людей коробило. И ноутбук тоже оказался разряженным, потому что я ночью просто закрыла его, а не выключила.

Пока я страдала на заднем сиденье своего авто над бесполезными девайсами, Борис успел проводить гостей в дом и вернулся ко мне с видом, не предвещавшим ничего хорошего.

– Маш, на этом хламе ездить нельзя, – без долгих вступительных речей заявил он. – Я не говорю, что твой «жигулёнок» прямо сейчас развалится, но долго он точно не протянет. Дело твоё, конечно, но ты ведь всё равно обратно при-

дёшь, а я это ведро потом сюда пригнать уже не смогу. Эвакуаторы тут на каждом углу не стоят, знаешь ли, а трактором мы только крышу по нашим дорогам до дома дотянем.

– Как вы это делаете? – сощурилась я, глядя ему в глаза.

– Что? – не понял Борис.

– Ключ у меня в сумке был, вы не могли незаметно его оттуда вытащить. Вещи мои ночью нашли, по лесу разбросанные. Машина волшебным образом куда-то пропадает, а вы её находите. Здесь какая-то магнитная аномалия, да? Связи нет, Интернета тоже, мозг неправильно воспринимает реальность. Я слышала, что есть такие места, где под землёй залежи каких-то определённых металлов, и именно над этими залежами такая вот ерунда с техникой и людьми происходит. Или это какие-то болотные испарения? Вы здесь всю жизнь живёте, привыкли уже, а у приезжих ум за разум сразу же заходить начинает. В чём причина?

– Хм... – прозвучало в ответ, и на лице Бориса появилась кривая ухмылка. – Разумное объяснение тебе надо? Научное? Чтоб по молекулам разобрать можно было? А нет такого, Маш. В любой дом здесь постучи, и все тебе одно и то же скажут – места у нас особенные. И каждый про какие-то свои особенности расскажет, потому как лес этот разным людям разное даёт. Кому здоровье, кому покой душевный, кому долголетие.

– А вам он что дал?

– Мне? – вскинул брови мужчина. – Так я не живу здесь.

Меня отец к себе забрал, когда пришла пора в школу идти. Мухинский я. Тама вырос, тама семья и работа. А к матери на выходные только приезжаю.

– А вы разве не на пенсии? – удивилась я.

– На пенсии, – кивнул он. – И работаю, пока здоровье позволяет. Молодёжь-то по городам разбегается, их к земле не тянет, а старики остаются. Животинку какую-никакую держат. Козочки, барашки... У Семёныча в пятом доме вон конь есть. Толку от того коня никакого, старый он, жрёт только, а Петьке до души. Ветеринар я, Маш. У нас тут один ветпункт на дюжину сёл, а врачей двое всего. В город-то не всегда поехать можно, ежели чего, а мы под боком, помогаем. И в охотхозяйстве я вчера же тоже по работе был, хоть и выходной. Пёс у них сторожевой прихворал, посмотреть попросили. А по пути слагбаум закрыл вечером.

– По пути? – скептически приподняла я бровь. – По-моему, это вообще не по пути.

– Так я ж в обход туда хожу, – пояснил Борис. – По дороге только. Через развилку у моста ближе, потому и по пути. А через лес нельзя.

– Почему?

– Так лесной ведь. Он тут вреднящий...

Ну вот, приехали. Только мне начало казаться, что у старика просветление случилось, и с ним нормально поговорить можно, а он опять в мистику ударился.

– Ладно, спасибо за информацию, мне пора, – вздохнула

я, пересела с заднего сиденья за руль, завела двигатель, тронулась с места...

Со стороны задних колёс послышался жуткий скрежет, которого точно не было слышно, когда Борис подгонял машину ко двору. Через пару метров мою несчастную «семёрку» и вовсе резко перекосило на одну сторону, поэтому пришлось признать, что ехать на ней действительно опасно.

– Колесо почти отвалилось, – сообщил мне Борис, когда я, скрипя зубами от злости, выбралась из салона.

– Пешком дойду, – рыкнула ему в ответ, забрала сумку с ноутбуком и телефон и ушла по-английски.

А толку-то прощаться? Сами же сказали, что всё равно вернусь, так зачем впустую слова тратить?

Глава 5. Какая-то связь

Спустя два с половиной часа я сидела на брёвнышке у могилки Марфы Оленевой и с тоскливым видом жевала пирожок с капустой, щедро пожалованный мне заботливым Борисом. Не смешно нисколько. Я ведь и до моста дошла, и на другой берег благополучно перешла, и даже слышала звук автомобиля где-то впереди, а потом мне навстречу выехал тот самый серебристый внедорожник, на котором к Никулиным приехали гости. Навстречу! Это же нелогично, неправильно и... И снова развилка с двумя дорогами, левая из которых в этот раз не пыталась увести меня чёрт знает куда, а просто закончилась болотом там, где раньше кот Батон заставил меня с неё сойти. Я потом даже по сторонам не смотрела – просто шла туда, куда ноги несут, и в итоге вышла к кладбищу. Борис уже ждал меня там – сидел на огрызке бревна, уплетал пирожки и бесил меня насмешливым взглядом.

– Ну допустим, – хмуро проворчала я, даже не думая смиряться со своей участью. – Допустим, это какой-то паранормальный супермегаквест, участвовать в котором меня заставили некие высшие силы без моего на то согласия. Машина сломана, связь с внешним миром только через вас или через ваших гостей. Если я завтра не явлюсь на работу и не представлю директору хоть какой-нибудь отчёт, меня уволят. На

работе всем будет наплевать, куда я исчезла, и в полицию заявлять о моём исчезновении никто не пойдёт. За квартиру мне платить через неделю. Хозяйка обнаружит, что меня нет, но тоже не станет никуда об этом заявлять. Позвонит несколько раз безуспешно, а потом соберёт мои вещи и пустит новых квартирантов. Поскольку я интроверт, друзей у меня нет. С родителями отношения натянутые, мы практически не общаемся. Банк просто рано или поздно подаст на меня в суд, если не будет платежей. Получается, что при живой родне и море знакомых людей я абсолютно одинока и никому не нужна. М-да...

– Пожалеть тебя? – участливо осведомился Борис, протягивая мне пластиковую бутылочку с холодным компотом.

– Нет, я просто пытаюсь понять правила этой дурацкой игры, – пожалала я плечами и засунула в рот остатки пирожка.

– А-а-а... – понимающе протянул дед и снова замолчал.

– Пофему у Мавфы квефта нет? – прочавкала я, не желая сидеть в тишине.

– Квеста? У Марфы? – не понял Борис.

Пришлось дожёвывывать сладкую сдобу и пояснять.

– Креста на могиле нет, табличка только.

– А, это... – наконец-то сообразил он. – Она сама не захотела. Тогда времена-то другие были. Коммунизм, идеология, святая вера не в чести... Марфа говорила, что лицемерие это – Бога отрицать, но по традиции всех неверующих отпевать и кресты у могил ставить. Она учительницей была.

Партийная, ответственная.

– И неверующая?

– Ну отчего же неверующая? Душой много во что верила, да говорила об этом мало и не показывала никому. Ведьма она.

– Ага, – кивнула я. – Раньше только леший был и призрак с квестами, а теперь мы с мёртвой ведьмой дело имеем. Весело. Ну ладно, допустим. Я уже и на ведьм согласна, и на леших, и на русалок, и на чертей рогатых, лишь бы домой попасть. Батон ваш, надеюсь, не говорящий?

– Нет, он просто умный, – широко улыбнулся Борис. – А русалок здесь нету, не бойсь.

– Ну хоть это радует, – поморщилась я и потянулась за следующим пирожком, мысленно отметив, что собеседник упомянул только про русалок, а про чертей не сказал ничего. Мне только их для полного счастья не хватало.

– Лесавки есть, – неожиданно последовало откровение.

– Кто? – скривилась я.

– Лесавки. Лешего нашего родня. И моховики. Они страсть как не любят, когда зелёную ягоду берёшь, поэтому рви только спелые. В омуте за деревней водяной живёт, тама рыбу ловить нельзя. Мать тебе говорила, как однажды нашу реку сбросами отравили, да? Ну так вот тогда он тоже чуть не помер. Так чёрной жижей булькал... Думали, всплывёт кверху пузом. А потом ничего, оклемался.

– Угу, – кивнула я и глупо хихикнула. – Водяной. Класс!

Тоже вреднящий? Как и леший?

– Ещё вреднее, – уверенно закивал Борис.

«Если хочешь поймать маньяка, нужно думать как маньяк», – вспомнила я фразу из какого-то фильма. В моём случае она звучала бы так: «Если хочешь сбежать от психов, нужно думать как психи». Это сложно. Для меня лес – это лес. Мох, торф, хвойные иголки, шишки, берёзы, ели, сосны, грибы, ягоды, птицы, звери... И в трёх соснах люди теряются не потому, что их леший запутывает, а потому что все деревья одинаковыми кажутся. Сложно вот так вот сходу в детство удариться и снова начать в лесную нечисть верить. Но нужно – домой-то хочется.

– А кладбище-то это освящённое? – задала я вопрос, вспомнив о том, кто приводит меня к могиле Марфы Оленевой.

– Естественно! – фыркнул Борис.

– А как тогда леший сюда заходит? Он же нечисть.

– Он хозяин этого леса. Где хочет, тама и ходит. Здеся мы для него нечисть вместе со всеми нашими убеждениями и принципами, – последовал вполне логичный для сумасшедшего ответ. – Пойдём, Маш. Мать щей наварила из кислой капусты, ужин уж скоро, а мы не обедали ещё. И не пытайся охватить умом всё сразу, так только ещё сильнее запутаешься. Подумай лучше, какая связь у тебя с этим местом быть может. Родня, работа, знакомства... Не прямо, а хоть как-нибудь чтобы причина была.

– Угу, – опять кивнула я и вздохнула.

Ну какая связь? Я родилась и выросла за полторы тысячи километров от Лесного. Мама, папа, братик – они вообще дальше двадцати километров от нашего посёлка не уезжали никогда. Вру, брат уезжал, когда его в армию призвали. Под Питером где-то служил. Эти два года покоя были лучшими в моём детстве. А потом он вернулся и женился почти сразу же, студентом ещё. Жену свою Сонечку к нам жить привёл. Квартира у родителей трёхкомнатная, места вроде всем хватало, но три хозяйки на одной кухне – это явный перебор, поэтому Соня решила туда не соваться, и мама тоже сочла, что мне одной будет комфортнее. Я школу заканчивала тогда, а они из меня кухарку сделали. Да и вообще отношение стало, как к прислуге, поэтому мы и начали ссориться. Я мечтала побыстрее получить аттестат и удрать куда-нибудь подальше. Получила. Удрала. Поступила на юрфак в подмосковном институте, общагу выпросила. А потом с Дёмой познакомилась.

Демид – художник. Натура тонкая, творческая и ранимая. Это он убедил меня имя сменить, потому что «Элеонора Оленева» звучало бы, по его авторитетному мнению, слишком пафосно и вульгарно. Марфа Оленева – это по-русски, это красиво. Дурак самовлюблённый. А я втрескалась в него по уши. Свидания, прогулки, выставки, романтика... Для провинциальной девочки это всё казалось праздником жизни. Когда родителям сообщила, что замуж за художника

выхожу, у мамы чуть удар не случился. Мы за два года до этой новости с ней и нескольких фраз друг другу по телефону не сказали, а тут она сама позвонила и начала втолковывать мне, что я совершаю самую ужасную ошибку в своей жизни. Нельзя выходить замуж за творческих мужиков – две следующие недели я только это и слышала на все лады. Потом я заявила, что уже взрослая и могу сама своей жизнью распоряжаться. Посоветовала маме засунуть её мнение куда подальше и пошла с Дёмой в ЗАГС.

У Дёмы квартира своя, и его родители к нему в личную жизнь не суются. Он меня из общаги к себе забрал, но после свадьбы как-то очень быстро всё превратилось в рутину. У него образования нет, он самоучка. Картины не выставляются нигде, никто их не покупает. Друзьям на заказ портреты рисовал – вот и весь доход. А я же студентка-очница, мне работать некогда. В долги по уши влезли. Я на последнем курсе на заочное перевелась, чтобы на работу была возможность устроиться. Подрабатывала то тут, то там. Жили не то чтобы бедно, но скромно. Когда я диплом получила и на доходную должность устроилась, у Дёмы аппетиты выросли – какие-то взносы за выставки платить, на которые меня ни разу никто не пригласил, одеваться хорошо, стричься в салонах, а не в парикмахерской на углу нашего дома. Я с него пылинки сдувала, думала, что моей любви на двоих хватит, а её не хватило. «Твой унылый вид загнанной лошади убивает всё вдохновение», – однажды заявил он мне и привёл в дом другую

лошадь. Красивую, не загнанную и вдохновляющую.

Мне было двадцать шесть, разведёнка, два кредита – с такими заслугами возвращаться домой казалось позорнейшим из позоров. Я сложила в большую спортивную сумку только всё самое необходимое, уволилась с работы, купила билет на поезд, села в вагон и уехала подальше и от родни, и от бывшего мужа. Так я и очутилась в городе Вывинске, в сотне километров от которого в густых лесах пряталась странная деревенька Лесное. Мне это бегство очень дорого обошлось. Я почти год одним кредитом другой перекрывала и наоборот, чтобы и флигель съёмный оплачивать, и с голоду не загнаться. Потом устроилась в это агентство, и дела пошли в гору, но даже сейчас приходится отдавать почти всю зарплату в кредиты, потому что сроки поджимают, а неустойки за просрочку зверские. Машину за бесценок купила, чтобы в командировки ездить, потому что это было обязательным условием при трудоустройстве. У меня даже прописка временная, и она, кстати, тоже скоро заканчивается.

Где искать связь? То, что я Марфа Оленева – это заслуга исключительно моего бывшего мужа. В город этот я приехала случайно – просто услышала название в очереди на железнодорожном вокзале и сказала кассиру то же самое: «Один плацкартный на ближайший до Вывинска». На работу в агентство по объявлению устроилась, а в Лесное меня директор отправил.

«Чтоб ему черти в Аду дровишек под сковороду поболь-

ше подкинули», — уже в который раз мысленно пожелала я своему шефу, топая по тропинке следом за Борисом. Вот зачем нашему директору это Лесное? Мне и ехать сюда не надо было, чтобы сказать, что он местную недвижимость сроду никому не продаст. Вложения в бабку, которая умирать не собирается, в разы превысили бы вероятную прибыль от такой сделки. Вероятную — ключевое слово. В такую глушь без благ цивилизации разве что сектанты какие-нибудь жить поедут. Или психи вроде Никулиных, на сказках и суевериях повёрнутые. Не нужно жильё здесь нормальным людям.

На этой мысли я споткнулась о какую-то корягу и растянулась на тропинке во все свои сто шестьдесят четыре сантиметра роста. Чертыхнулась, встала на четвереньки, постояла так немного, пытаясь справиться с головокружением, а потом обнаружила, что у меня снова начались зрительные галлюцинации. Мы к этому моменту уже почти до крайнего дома дошли, я собственными глазами покосившийся забор видела, а теперь прямо передо мной были река и деревянный мост. Тот самый мост с кривой сосной справа по берегу. И машина моя тоже каким-то немыслимым образом очутилась здесь — на траве справа от дороги.

Отказываясь верить собственным глазам, я обошла её со всех сторон — стоит ровно, и все колёса на месте. Села за руль, завела двигатель — не рычит. Гневно отогнала мысль о том, что было бы неплохо съездить и посмотреть, сколько ответвлений теперь на развилке — два или три. «Не надо ис-

кушать судьбу, Марфа Алексеевна», – сказала самой себе, медленно переехала мост и поехала дальше, дальше... Когда впереди замаячили просвет между деревьями и бетонка, я чуть не заплакала от радости. Вдавила педаль газа в пол и помчалась домой, не забыв по пути заскочить на заправку, потому что в бензобаке было уже почти совсем пусто.

Через два часа я стояла под душевой лейкой в ванной съемной квартиры и с блаженным выражением лица смывала с себя пыль, грязь и дурные воспоминания о прошедших сутках. В единственной жилой комнате благополучно заряжались от нормальной розетки ноутбук и телефон. В кухне меня ждали закипевший уже чайник и бутерброды с дешёвой чесночной колбаской – не ахти какой ужин, зато дома. «Даже думать не буду о том, почему лес вдруг решил меня отпустить», – сказала я самой себе и честно не думала об этом аж до следующего утра.

Глава 6. Дурные вести

– Оленева, ты на пикник собралась или на работу пришла? – брезгливо уточнил директор, пройдясь оценивающим взглядом по моей старенькой голубой блузке и не менее стареньким, но чистым и целым джинсам.

Ну да, нарушила дресс-код сверху донизу, но выбор-то у меня был невелик – либо идти на работу в том, что есть в шкафу, либо опоздать, но купить новый костюм, потратив при этом часть денег, которые через неделю нужно отдать хозяйке за квартиру. Я выбрала первое, потому что выволочка от начальства и символический штраф менее затратны, чем новые шмотки.

– Извините, Глеб Артёмович, я просто костюм вчера в лесу испортила и...

– Это ты так сейчас намекаешь, что у тебя зарплата маленькая? – уставился шеф на меня свирепым взглядом поверх очков.

– Это я так пытаюсь объяснить, почему пришла на работу в таком виде, – вздохнула я. – К зарплате у меня претензий нет.

– Точно нет? – ядовито уточнил он. – А то ведь я могу это очень быстро исправить.

Начальство в дурном расположении духа – это плохо. Пятница, все устали. Если честно, то к нам в офис вообще

редко кто заходит, мы сами везде катаемся по служебным поручениям, поэтому требование к чёрному низу и белому верху – это просто блажь Глеба Артёмовича. У него вообще характер противный. Вреднящий, как сказал бы Борис.

– Точно нет, – уверенно кивнула я, смирившись с мыслью о покупке нового костюма.

Директор ещё раз окатил меня брезгливо-уничтожающим взглядом, откинулся на спинку кресла и поинтересовался:

– Что там по Лесному?

– А ничего, – пожала я плечами. – Дом оформлен на сына Никулиной. Ему шестьдесят семь, и у него несколько наследников. Это не наши клиенты точно.

– Как на сына? – недоверчиво сощурился шеф, вынул из стола папку с документами, перелистал содержимое и хмуро сдвинул брови. – Чёрт. У меня, наверное, выписка старая.

– Угу, – кивнула я. – Очень старая. Бабуля сыну подарок на пятидесятилетний юбилей сделала, а это семнадцать лет назад было.

Глеб Артёмович посмотрел на дату выписки и протянул документ мне.

– Месяц, Маш.

Документ и правда был датирован маем этого года, и собственником жилого дома и земельного участка в нём значилась Никулина Клавдия Ильинична.

– Этого не может быть, – замотала я головой. – Я смотрела документы на дом и на землю. Свидетельства старые ещё,

печати и штампы все на месте.

– Они ведь могли и обратную сделку сделать, Маш. За семнадцать-то лет.

– Не могли, – возразила я и вернула ему выписку. – Здесь правоустанавливающим указано свидетельство о праве на наследство, и в договоре дарения тоже оно. Если бы была обратная сделка, в выписке было бы предыдущее дарение указано. В реестре ошиблись, наверное. Я закажу повторную выписку.

– Закажи, да, – кивнул директор. – А дом-то ты посмотрела? Фото есть?

– Они не разрешили фотографировать, – соврала я. – Там квадратов пятьдесят, не больше. Одна большая комната, две маленьких, кухня и пристройка. Состояние так себе, но стены ровные. Потолки низкие. Санузла нет, удобства во дворе.

– Но снаружи-то можно было сфотографировать.

– У них собака злая, – выдала я очередную ложь, чтобы не оправдываться из-за разрядившегося телефона. – И сын этот тоже неадекватный. Мне сразу уехать пришлось.

– Сразу? – скептически приподнял бровь Глеб Артёмович. – А где ты, в таком случае, вчера весь день шлялась?

– Ночевала в лесу, а с утра шла пешком до ближайшего населённого пункта, чтобы эвакуатор вызвать. У меня машина в колею провалилась. Там же ни дорог, ни связи нет.

– Ладно, иди работай, – махнул он рукой. – Выписку занесёшь сразу, как только пришлют, а потом уже по обстоя-

тества будем решать, что дальше делать.

А что дальше делать? Я привыкла верить своим глазам. Не знаю, почему у директора оказалась такая странная выписка, но она явно была ошибочной. Или другой вариант – штампы и печати на документах Никулиных липовые, что маловероятно, поскольку есть ещё и красивое свидетельство с номером записи в реестре о сделке и переходе права собственности. Два свидетельства – одно на дом, а второе на те несчастные восемь соток земли, которые к этому дому прилегают. Я была больше чем уверена, что новая выписка подтвердит мои сведения. Но шефу-то другую подсунули. И в довесок дезинформацию о том, что старушка одинока. Зачем? Кому это всё надо? Шутка что-ли чья-то глупая?

У меня хватало работы и помимо этого объекта, но привычка всё доводить до логического завершения заставляла постоянно возвращаться мыслями к дому в Лесном. Вернувшись на своё рабочее место, я открыла в компьютере нашу внутреннюю, служебную карту региона, где специальными значками отмечались объекты в работе и уже отработанные с указанием имён сотрудников, которые занимались оформлением сделок, и других – которые обслуживают стариков. Программа с картой была разработана по заказу агентства, и ею пользовались все сотрудники, за исключением разве что уборщицы. Красная метка – новый объект, рента ещё не оформлена. Жёлтая – объект в работе, ведётся сопровождение клиента. Зелёная – клиент умер, объект унаследован

агентством и выставлен на продажу. Это если упрощённо, на самом деле там много детальной информации, что очень удобно. Например, всегда можно посмотреть, на какой стадии находятся документы по дому или квартире, где живут взятые нами на содержание старики.

Проблема заключалась в том, что на моём компьютере эта программа всё время глючила. Вот и в этот раз я минут десять потратила только на то, чтобы её загрузить, а на вводе адреса снова всё зависло.

– Помочь? – заглянул мне через плечо коллега Костик, работающий в агентстве дольше всех других сотрудников юридического отдела.

– Да, у меня тут ситуация по объекту странная, – кивнула я и пустила его за свой компьютер. – Представляешь, у шефа по документам одно, а у собственников совсем другое.

– А на карте-то ты что хочешь найти? – удивился Константин.

– Хочу убедиться, что на метке моё имя стоит, – поморщилась я.

– Боишься, что за нарушение дресс-кода Артёмыч тебя на зарплату кинет? – усмехнулся коллега. – Проще списком твои объекты вывести.

– Нет, списком не надо, я по карте хочу посмотреть. Я там заблудилась, Кость. С навигатором, представляешь? Вообще такая история непонятная. Старики эти чокнутые, кладбище, мистика... Короче, долго объяснять.

– Пойдём за мой комп, там быстрее будет, – предложил он.

Конечно, быстрее – у него-то компьютер новенький, а за моим, небось, до меня человек тридцать сотрудников от тоски умерло. Хорошо, когда начальство тебя любит и ценит. Костю Глеб Артёмович ценил очень высоко – ни одной сорванной сделки у парня, а в суде ему вообще равных нет. Да-да, в суде. А что? И такое бывает. Берём в работу умирающего старичка, заключаем с ним договор, а он через полгода умирать передумывает и бежит в суд жаловаться, что мы мошенники. Не очень часто, но такое всё же случается, и Костя все эти суды всегда выигрывает.

– Что искать-то? – вопросительно посмотрел он на меня, открыв программу.

– Деревня Лесное, дом шестнадцать, – назвала я адрес.

Через несколько мгновений карта сместилась на нужную мне территорию региона и максимально приблизила единственную улицу в искомом населённом пункте. На доме номер шестнадцать стояла красная метка, а при наведении на неё развернулась подробная информация, где в графе «Исполнитель» значилось моё имя, а в статусе было написано «Сбор информации». Неподалёку от этого красненького значка имелся ещё один – на доме номер пять, где жил упомянутый Борисом Семёныч, у которого бесполезный конь.

– А этот чей? – аккуратно указала я карандашом на метку.

Костя передвинул курсор, и выяснилось, что объект пока что «ничей».

– Потенциально твой, если по первому сделку оформишь, – пояснил коллега. – Это психология, Маш. Старик ведь недоверчивые, особенно если в таких дебрях живут. Одного клиента возмёшь, а по его хвалебным одам потом и другие одинокие соседи согласятся. Тебе просто раньше не попадалось сразу несколько объектов рядом, а так это обычное дело. Но если первого потеряешь, то и остальных гарантированно профукаешь, а это – полный провал, минус в Карму компании и наверняка увольнение. Проще говоря, Артёмич хочет проверить, насколько ты выросла. Это ж край географии, тут если и будет отказ, то для агентства он никакой погоды не сделает. Мухино вот, например. Видишь? Ни одного нашего объекта. Вот ещё большая деревня, и тоже ничего. Там недвижимость копеечная, её не продать потом.

– Вот и я сказала, что не продать, а Глеб Артёмович ответил, что это не мои проблемы, – пожала я плечами и указала на скопление бледно-лиловых точек на карте. – А это что?

– Это заказ, – последовало очередное пояснение. – Не рента, просто выкуп и перепродажа через наше агентство происходят. У тебя на карте этого не будет, потому что ты такими сделками не занимаешься.

– Ого... – уважительно посмотрела я на парня. – И это всё твоё? Столько объектов сразу? Теперь понятно, почему ты на новой иномарке едешь, а я на старом «жигулёнке».

– Да там один объект на самом деле, просто строений несколько, – улыбнулся Костя. – Бывший пионерский лагерь.

Ты в Лесное вот по этой дороге ехала?

Он показал на точку на карте, обозначающую мост, неподалёку от которого имелась «та самая» развилка. И дорог от этой развилки расходилось три – одна правее, другая левее, а третья и вовсе шла почти вдоль реки напрямик в Лесное. «Другое лево», в которое я ни разу так и не попала.

– У меня навигатор почему-то эту дорогу не показал, – пожаловалась я Константину. – Я вот сюда свернула и почти сразу же на какой-то кочке села. А дальше пешком шла.

– Через охотхозяйство? Там же километров шесть крюк.

– Нет, через лес. А лагерь этот твой рядом совсем, да?

– Угу, – кивнул Костя. – Я туда когда первый раз ездил, пытался через Лесное проехать. Видишь, дорога дальше идёт по берегу? Но на самом деле там в километре от деревни тупик, сеткой всё перегорожено. И объезда поблизости нет. Через охотхозяйство тоже нельзя, поэтому пришлось крюк через Мухино делать, а это лишние пятнадцать километров. Лесное твоё потому на переселение и пойдёт, чтобы дорогу прямую сделать.

– В смысле на переселение? – непонимающе нахмурилась я.

– А Артёмич тебе не объяснил? – удивился он и отдалил карту так, чтобы была видна вся территория вокруг деревни и дальше. – Вот смотри. Вот здесь река разветвляется, а вот тут опять соединяется. Получается что-то вроде большого острова, на котором расположен мой лагерь, твоё Лесное и

охотхозяйство. Когда это всё объединят, въезды будут прямые вот здесь и вот здесь.

– Объединят?

– Маш, тут промышленный комплекс будут строить. Ты новости что ли местные не смотришь?

– У меня телевизора нет, – упавшим голосом отозвалась я. – Там же лес, Кость. Ну в деревне ладно, земли населённых пунктов, а всё остальное-то к лесному фонду относится. Кто разрешит такую стройку?

– Назначение земель при желании меняется одним постановлением, – улыбнулся мне коллега. – Машунь, ты же не вчера родилась. Должна понимать, как такие вещи согласовываются и делаются.

– Да я понимаю, – вздохнула я. – А на кладбище там уже давно никого не хоронят, поэтому по закону эту землю тоже можно использовать. М-да. Спасибо, Кость.

– Ты расстроилась что ли? – непонимающе моргнул он.

– Ну да, – кивнула я. – У нас липовая информация по моему объекту. Там собственник другой, у него наследники есть, и дом этот они продавать точно не будут ни за какие деньги. И что дальше? Рейдерский захват?

– Маш, ну ты даёшь... – изумился Константин. – Ты видела хоть раз людей, которые от больших денег отказываются? О-о-очень больших.

– А смысл тогда в ренте, Кость? Допустим, я заключу этот договор, получу за него премию, передам клиента на обслу-

живание, а дальше что? Может, старик или старуха десять лет ещё проживёт или даже дольше, а до того момента собственности под залогом, с ней ничего не сделаешь.

— При наличии договора ренты сделать можно многое, — снисходительно сообщил мне любимчик начальства. — Ладно, всё, мне работать надо.

— Да, конечно. Спасибо ещё раз.

Я натянуто улыбнулась ему и вернулась на своё рабочее место, размышляя о том, как всё могло настолько запутаться. Вот тебе и вестник. «Вас выселят отсюда, Клавдия Ильинична. Дом ваш снесут, лес вырубят, а кости Марфы Оленевой перелопают экскаваторами, чтобы залить фундамент под какое-нибудь производственное здание. И будет ваш лучший рабочих вокруг корпусов выгуливать, если его, сиротинушку, родня на другом берегу реки принимать откажется». Так получается? Но ведь это у меня телевизора нет, и новости я смотреть не люблю, а Борис что? А дети его? У них тоже телевизоров нет? Быть такого не может, чтобы никто не знал о предстоящей стройке века на территории Вырвинского района. В конце концов, не одни только Никулины в Лесном живут. Там и другие люди есть. И связь с внешним миром какая-никакая имеется.

Решив, что от меня всё равно ничего не зависит, я занялась другими текущими делами. Ближе к обеду на электронную почту пришло письмо со свежей выпиской из реестра, где было написано, что собственником злополучного дома

является Никулин Борис Афанасьевич.

– И что мне делать дальше? – поинтересовалась я у директора, положив выписку перед ним на стол.

– С этим объектом ничего, – поморщился он. – Другими занимайся, у тебя их достаточно. Если ещё раз явишься в офис в таком же виде, будешь уволена. Всё, иди.

Я и пошла. А в обеденный перерыв, перекусывая в комнате отдыха бутербродами, включила свой ноутбук и заказала на свою личную электронную почту выписки по всем домам в деревне Лесное. Да, через неделю мне нечем будет платить хозяйке за жильё, потому что я потратила всё на эти документы. Но если хорошенько подумать, то я смогу найти для себя другой угол, пусть и менее комфортный, а Клавдии Ильиничне, которая шестьдесят лет назад добровольно семилетнего сына от себя оторвала и мужу отдала, из Лесного уезжать никак нельзя. Бабка Марфа её там от смерти спрятала, а меня эта мёртвая ведьма теперь о помощи просит. И нет, я не спятила. Просто вдруг осознала, что в жизни могут быть цели поважнее зарабатывания денег для выплаты кредитов. Пусть даже это всё и пахнет сумасшествием.

Глава 7. Подарок с того света

Борис был прав – на моей машине ездить опасно. Но это в том случае, если она едет. Когда двигатель отказался заводиться с десятой попытки, я просто закрыла её и бросила на стоянке у офиса, поскольку в пятницу вечером искать человека, способного быстро реанимировать усопшее, было бесполезно. Вызвала такси до дома и пару часов просидела перед ноутбуком, делая скриншоты важной информации. Заодно полностью зарядила телефон, чтобы он снова не отключился в самый неподходящий момент. Оделась, обулась, а потом ещё почти час ждала очередное такси, поскольку ехать на край географии, как выразился Костя, никому из водителей не хотелось.

– Отдыхать на природу едете? – приветливо поинтересовался таксист, изъявивший-таки желание отвезти пассажира в лесную глушь после того, как я сообщила диспетчеру, что готова заплатить за поездку двойную цену.

– Ага, – кивнула я, всем своим видом показывая, что к беседе не расположена.

На часах было без пятнадцати минут двадцать два, когда я попросила остановить машину перед мостом.

– Так ещё километра три ехать, – удивился водитель. – Не страшно ночью одной по лесу гулять?

– Меня леший проводит, – небрежно бросила ему я и рас-

считалась за поездку.

Светлую песчаную дорогу было видно хорошо только до тех пор, пока лес не подступил к ней слишком близко, сомкнув вверху кроны высоких берёз и сосен. Я не включала фонарик, поскольку была уверена, что не заблужусь. Странная уверенность, неправильная, но она была. Когда видимость упала почти до нуля, я остановилась и негромко сказала в темноту:

– Ты, дружок, меня води, а ноутбук и телефон не отнимай, они мне нужны. Обещаю не включать их, чтобы тебя не раздражать и ночную живность не беспокоить.

И пошла дальше. Джинсы, лёгкий свитер, мягкие удобные кеды – так по лесу гулять куда приятнее. Даже ночью. По сторонам что-то трещало, шуршало, пищало и иногда ухало, но я успокаивала себя тем, что нужна этому лесу, поэтому ничего плохого со мной случиться не может. Под ногами сначала чувствовался песок, потом дорога забрала влево, и я пошла по утрамбованной земле, покрытой мягким ковром мелкой травы. Поворот был не крутой, поэтому было несложно догадаться, что я снова иду по двухколейке, ведущей к охотхозяйству. Ну вот почему хозяин леса всё время меня одной и той же дорогой водит? Какой в этом смысл?

– Мяу! – раздалось в темноте слева.

– Батон? – позвала я и остановилась. – Батончик, иди сюда.

– Мяу!

Кот звал меня, чтобы я сошла с дороги в нужном месте – других причин не было. Он не подошёл, а я не включила фонарик, как и обещала, хотя очень хотелось. Ноги почувствовали неровность моховых кочек, при каждом шаге начали хрустеть сухие веточки – ну да, я снова шла через лес к кладбищу. В кромешной тьме и всецело доверяя лесному духу и коту. Спустя какое-то время облака в небе расплзлись в стороны, позволив лунному свету беспрепятственно литься сверху на лесную чащу. Видимость стала лучше, и я поняла, что уже почти достигла конечной точки этого маршрута. А когда достигла, присела на импровизированную лавочку и вздохнула.

– Ну привет ещё раз, Марфа Алексеевна, – поздоровалась с могилкой, помолчала немного и призналась: – Мне страшно. Правда, страшно. Позавчера это был неосознанный страх, потому что я не привыкла бегать ночью по лесу, а теперь я боюсь того, чего не понимаю, и во что не верю. Лешие, ведьмы, призраки... Это всё так дико, а я всё равно пришла. Не верю, но пришла. Хочешь, чтобы я сказала твоей внучке, что её выселить отсюда хотят? В этом смысл, да?

Моей щеки коснулось что-то мягкое и тёплое – сверху вниз кто-то будто рукой погладил. Сердце провалилось в желудок, я громко сглотнула и едва сдержала желание сорваться с места и начать очередной лесной забег. Только и смогла выдавить из себя, втянув голову в плечи:

– Кто здесь?

Ветер шевельнул кроны деревьев, и стало ещё страшнее. И намного холоднее, будто ночь была не июньская, а апрельская. Естественно, мне сразу же начала мерещиться всякая ерунда, но я продолжала сидеть на месте и трястись от страха. Зачем? Не знаю. Могла бы встать и пойти в деревню, но где-то на подсознательном уровне чувствовала, что нужно остаться. Один и тот же путь, ведущий к могиле ведьмы – это ведь не случайность. С вестью я разобралась, и осталось только донести её адресату, но леший почему-то снова привёл меня именно сюда, а не к дому Никулиных. Было в этом что-то такое... «Может, я ошиблась, и Никулины и без меня уже всё знают?» – в который раз пришли сомнения, и лес немедленно отозвался на них теплом и покоем.

У меня не было других причин возвращаться сюда. Я приехала с конкретной целью – поставить Клавдию Ильиничну в известность о том, что на месте этого леса скоро начнут строить какой-то завод. На этом всё, больше я ничего не могла сделать для стариков, которые здесь живут. Просто предупредить. Если это не цель, тогда что?

– Мя-о-о-у-у! – взвыл котяра где-то совсем рядом.

– Батон! – снова позвала его я, но услышала в ответ только характерное шуршание, будто кто-то начал рыть землю.

Кот и правда рыл землю – прямо на могилке Марфы Оленевой. Луч лунного света как-то очень удачно проскользнул через сплетение веток вверх и упал прямо на то место, где толстый рыже-полосатый вандал всюду орудовал лапами,

разбрасывая по сторонам прелую хвою и шишки.

– Батон, прекрати! – шикнула я на него.

Встала с бревна с намерением прогнать негодника, но он даже не посмотрел в мою сторону. Вцепился во что-то зубами, зарычал, потянул...

Со стороны деревни слышались шаги, и в просветах между деревьями замелькал свет фонарика.

– Батон! Ты опять тут, недоразумение усатое? – с облегчением услышала я голос Бориса, а в следующее мгновение свет ударил мне в глаза и прозвучало коронное: – О как!

– Доброй ночи, Борис, – поприветствовала я деда, прикрывая глаза рукой.

– Вернулась-таки? И опять машину потеряла?

– Я на такси приехала, – улыбнулась я в ответ. – От моста пешком шла. Меня Батончик сюда привёл.

Батончик к этому времени уже закончил раскопки и сидел, облизывая лапку, на кучке свежевырытой земли. Прямо перед ним на могилке лежали бусы – крупные, деревянные, покрытые облупившейся ярко-красной краской.

– Это как так? – нахмурился Борис, поднял с земли добычу Батона и с удивлением протянул бусы мне на вытянутой руке. – Это прабабкино. Мать сама их в гроб клала, когда Марфу хоронили. Я точно помню. И целенькие, гляди-ка. И шнурок крепенький.

– Может, кто-то не очень давно такие же в память о Марфе сюда принёс? – предположила я и сразу же снова почувство-

вала пронизывающий холод. – Борис, вы в курсе, что Лесное хотят снести, чтобы...

– Завод построить, – закончил мою фразу старик и сунул кошачью находку в карман. – Знаем, конечно. Тут все об этом знают. И ты должна была знать, раз с такими предложениями глупыми к матери приехала.

– Я не знала, – покачала я головой. – Телевизора у меня нет, в Интернете новости я не смотрю. Сегодня только collega рассказал, который документами по пионерскому лагерю занимается.

– Высокий, смазливый, Константином зовут, – кивнул Борис. – Помню я его. Лицом светлый, а душа чёрная.

– Да ладно, он хороший человек, – возразила я.

– Для тебя хороший, потому как ему от тебя не надо ничего, – парировал старик. – Мать таких на дух не переносит. От него за версту обманом и подлостью несёт. Ты замёрзла что ли? Тепло же.

Я в это время и правда зябко ёжилась, рефлекторно потирая плечи. Борис снова посветил на меня фонариком да так и застыл, а я опять прикрыла глаза рукой.

– Это как это? – растерянно прозвучало в ночной тишине.

В канаве у кладбища нестройным хором расквакались лягушки, создавая такой громкий и неприятный шум, что мне немедленно захотелось оказаться в другом месте.

– Давайте к вам пойдём, а? – предложила я, поправила ремень сумки на плече и тоже застыла, поскольку наткнулась

пальцами на что-то, чего в моём гардеробе раньше точно не было.

Ощупала влажную шершавую находку и навскидку определила, что у меня на шее бусы – крупные, деревянные, испачканные землёй. Борис отвёл фонарик в сторону, похлопал себя по карману штанов и снова резанул светом мне по глазам.

– А ну-ка снимай.

Я бы с радостью, но шнурок в этой штуковине был слишком коротким – его если только разрезать, а через голову это украшение снять никак было нельзя. Холодно, жутко, лягушки квакают, Батон снова разорался на тропе, зовя нас домой... Борис решил, что нужно идти в дом и там разбираться в новых мистических обстоятельствах нашей очередной встречи – вместе с Клавдией Ильиничной, которая в таких делах больше смыслит. Я с ним полностью согласилась. А когда мы выходили с кладбища, шнурок в бусах вдруг порвался, и круглые бусины укатились с дощатого мосточка прямо в канаву. Я одну только бусинку поймать успела и крепко зажала её в кулаке, будто этот маленький деревянный шарик имел в тот момент для меня наивысшую ценность.

Глава 8. Сказка на ночь

Молчание затянулось. Я смотрела то на сонную Клавдию Ильиничну, то на её хмурого сына, то на кота, а они все трое смотрели на меня. Неприятно так смотрели, будто в душу заглянуть пытались. Только у Батона взгляд был довольный и, кажется, ободряющий. Красная бусина лежала на столе, покрытом светлой клеёнкой, и время от времени переманивала внимание присутствующих с моей персоны на себя.

– Дар у тебя есть какой-то, – наконец-то заявила старушка.

– Ага, – немедленно согласилась я. – На ровном месте приключения на свою пятую точку находить и совать нос туда, куда не просят. Ну какой дар, Клавдия Ильинична?

– Ведьмовской.

«Да блин, что ж они такие трудные-то?» – раздражённо подумала я и выложила на стол ноутбук.

– Я к вам ехала скриншоты кое-какие показать. Там написано, что освоение земель здесь начнётся не позднее следующего года. Это значит, что уже по весне или раньше сюда нагонят технику и начнут деревья вырубать. Вас к тому времени здесь быть не должно. При такой широкой огласке хотя бы видимость законности должна быть, и это строительство наверняка согласовано на о-о-очень высоком уровне, иначе за изменение целевого назначения земли под населённым пунктом в администрации с кого-то быстро шапки

полетят. Вот послушайте... «На территории урочища располагается заброшенное село, в котором зарегистрированы и постоянно проживают четыре пенсионера преклонного возраста. Это одинокие старики, о которых некому позаботиться, и в данный момент администрацией Вывинского района прорабатывается вопрос о переселении граждан в более комфортные городские условия, где есть и поликлиники, и аптеки, и социальные службы, способные обеспечить престарелым людям должный уход. Речь идёт не о пансионате, а об отдельных квартирах», – я сделала паузу и внимательно посмотрела на Клавдию Ильиничну. – Это январская статья, а сейчас уже июнь. Из выписок следует, что все заброшенные дома юридически уже ликвидированы как объекты недвижимости, а земля под ними переоформлена на одного и того же владельца. Осталось всего пять жилых домов: пятый, восьмой, одиннадцатый, ваш шестнадцатый и двадцать второй. По двадцать второму сделка ещё в декабре прошлого года состоялась, там теперь тот же владелец, что и у остальной земли. Восьмой продан в апреле. Остаётся всего три.

– В восьмом Шурка живёт, у ней хозяйство большое, – сообщила мне Клавдия Ильинична. – Она продала дом, да. Сейчас животину свою распродаёт. Только никто ей квартиру не давал, она к родне в Екатеринбург уехать собирается. К осени велено жилплощадь освободить. Знаем мы это всё, Марфуш. Семёныч в пятом прописан, но он не хозяин. Хозяева где-то в Сызрани живут. А в одиннадцатом нет никого,

дача это. Наезжают раз в пару лет хозяева, шашлыки жарят, шумят. В этом году нет вот их. Позже, может, приедут. Тама Ольга была прописана, но она в Мухино давно перебралась. Болела сильно. В марте померла, а теперь вот наследникам полгода наследство своё ждать. Трое нас тут, Марфуш.

– Получается, что по пятому загвоздка в поиске хозяев, по одиннадцатому всё в наследство упирается, а вы свой дом просто продавать не хотите, – подытожила я.

– Получается так, – пожала плечами старушка и широко зевнула.

– Тогда непонятно, зачем на Семёныча вашего метка по ренте поставлена. Он же не владелец, – задумчиво вздохнула я. – Если только ради того, чтобы вывезти его отсюда. Но агентству-то нашему это невыгодно. В вашем доме, кстати, тоже выгоды никакой нет.

– Ни выгоды нет, ни завода никакого тут никто строить не будет, – подал голос Борис.

– Почему? – удивилась я.

– А потому что перед стройкой первым делом проект делается и земля обследуется. Сюда приезжал кто пробы грунта брать? Нет. А я тебе и без проб сказать могу, что на пересохших торфяных болотах ни один завод не простоит долго. Всё в землю провалится. Песок-то не везде, тут торф в основном. И родники. А родники – это грунтовая вода.

– Вот теперь вы меня окончательно запутали, – призналась я. – Зачем тогда все эти махинации с переселением,

изменением назначения земель, огласка такая, дезинформация? Корпуса тяжёлые, кстати, строить совсем необязательно. Промышленный комплекс и из ангаров с мини-заводиками состоять может. Мосты вон на винтовых сваях здоровенные строят, и ничего. Пробурят до твёрдого грунта... Ну это ладно, не суть. Вы же понимаете, что если будете и дальше упорствовать, проблему с вашим переселением можно решить быстро и просто. Хвойный лес, сухой торф, ограниченное рекой пространство – тут один раз спичкой чиркни, и через пару дней вы переедете прямиком на мухинское кладбище. И на освоение земель после лесного пожара затрат меньше – вырубать ничего не надо, всё само сгорит. Я не утверждаю, что кто-то будет так делать, это просто предположение. Там, где большие деньги и грандиозные замыслы крутятся, несчастные случаи очень часто происходят.

– А выбор-то у меня есть? – усмехнулась Клавдия Ильична. – Мне какая разница, где умирать? Здеся в огне, за мостом на свежем воздухе от сердечного приступа... Меня же на этом свете только лес этот и держит. Не пришло ещё моё время, понимаешь? В августе уж сто лет будет, как я живу, а помирать всё одно рано. И на том свете покоя не будет, ежели бабкину волю не исполню.

– Какую волю? – нахмурилась я.

– Хранитель этому лесу нужен, Марфуш. При жизни Марфа его силу оберегала, теперь я, а передать эту обязанность некому.

– А как же леший? – спросила я без тени насмешки.

– Он нелюдь, а мир этот людской. Равновесие нужно, чтобы сила природная сохранялась. Ежели не будет равновесия, то и силы не будет.

Теоретически здравомыслящим реалистам вроде меня лесная природная сила в совокупности со всей обитающей там нечистью нужны как собаке пятая нога. Лес – это свежий воздух. Лес – это грибы и ягоды. Лес – это источник древесины. Для меня лес – это просто лес, и относиться к нему как-то иначе было бы странно. Есть в этих дебрях какая-то сила, нет её – не моё это, не понимаю я этого. И спорить с теми, кто в подобное верит, тоже никогда не пыталась – это всё равно, что пытаться с разбегу головой открыть дверь, на которой висит табличка с надписью «На себя».

– Мать... – неожиданно просветлело заросшее седой щетиной лицо Бориса. – А помнишь, как вы с батей однажды меня из трясины вытягивали? Сколько мне тогда было? Лет десять, наверное. Мы на каникулах тогда с ним приехали сюда забор ваш чинить.

– Ну помню, и что? – вопросительно приподняла бровь старушка. – Марфа тогда тебе русским языком сказала в болото не лезть, а тебе, дураку, тропу её поискать приспичило. Тама бы и утоп, если бы она не всполошилась, что нет тебя долго.

– У меня здесь друг был Колька, – улыбнулся мне Борис. – Тогда дороги ещё по берегу не было, болотина только клюк-

венная от самой развилки и почти до деревни. Лесновцы все в обход этого болота по той дороге ходили, где теперь шлагбаум стоит. А Марфа тропу через болото знала. Никто не знал, а она не только знала, но и с сухими ногами по ней пройти умудрялась. Мы тогда с Колькой с рыбалки от моста возвращались и поспорили на его улов, что я через болото быстрее до дома доберусь. Делов-то – палкой перед собой в мох тыкать, чтобы не провалиться.

– Ага, и Колька, сорванец, смолчал тогда, что ты через болото порёлся, – поморщилась Клавдия Ильинична. – Ты к чему это вспомнил-то?

Борис улыбнулся и ей тоже, а потом оба снова на меня так неприятно уставились, что по моей спине мурашки поползли размером с горошину.

– Что? – нахмурилась я.

– Сказку я тебе сейчас расскажу, – многозначительно пообещала старушка. – Любишь сказки?

– Не очень, – честно призналась я. – И по-моему, для сказок сейчас не очень удачное время, не находите? У вас реальных проблем выше крыши. Вы мне лучше покажите, где до утра поспать можно, а утром я домой поеду. Всё равно пользы от меня здесь никакой, вы и так всё знаете.

– А я всё-таки расскажу, – упёрлась Клавдия Ильинична. – Она не длинная, успеешь выспаться потом.

Я тяжело вздохнула, смирилась со своей участью и закрыла ноутбук.

— Ну рассказывайте, раз вам заняться посреди ночи больше нечем.

— Давным-давно...

* * *

Давным-давно на месте нынешнего посёлка городского типа Мухино стояла барская усадьба, принадлежавшая, естественно, Мухиным. А там, где теперь находится деревенька Лесное, не было ничего, кроме единственного домика лесника. Лесника этого звали Остапом, жену его — Фёклой, а сына их единственного — Михаилом. И фамилия этой лесной семейки была, конечно же, Оленевы.

Барин Мухин рано овдовел, а потом решил второй раз жениться, чтобы наследниками обзавестись. Привёз откуда-то молодую жену-красавицу Полину и решил в честь свадьбы охоту большую устроить, гостей своих потешить. Охотничьи уголья располагались тогда там же, где и сейчас — на большом острове, который река с двух сторон рукавами обходит. Полинка на той охоте благополучно свалилась с лошади и сломала ногу. Нашёл её Мишаня — сын лесничего. На руках чуть ли не до самой усадьбы нёс, пока их люди не заметили и помогать не примчались.

Так началась тайная, запретная любовь молодой барыни и сына лесника. Встречались они нечасто, всё по кустам от посторонних глаз чувства свои прятали, а через два года барин прискакал на лошади к лесному домику и корзинку с собой

привёз, в которой младенец лежал. Умерла Полинка в родах, а перед смертью покаялась мужу во всех своих грехах. Барин дочку новорожденную даже видеть после этого не захотел. Не его это ребёнок, и всё тут. Мишаню сгоряча кнутом до смерти заporол, а младенца Остапу и Фёкле отдал – мол, что хотите, то теперь с этим ребёнком и делайте.

С той поры в охотничьих угодьях стали странные дела твориться. Люди говорили, что леший завёлся. Кто-то плач женский слышал. Кого-то по лесу так запутывало, что потом с собаками только отыскать можно было. А девочка-то росла потихоньку в лесничьем домике. Оленевы все светленькие были, и Полинка тоже, а она тёмненькая – в отца-барина пошла. И глаза тоже у неё отцовские получились – голубые-голубые. Дарёнкой её старики назвали – подарок мол. И начала со временем Дарёнка эта всем подряд рассказывать, что её папа Михаил после смерти своей в лешего превратился, чтобы дочку оберегать. В лесу-то опасностей много, звери дикие, болото гиблое, а она маленькая, ей без защиты никак не обойтись. «Внучка у Оленевых блаженная», – так о ней говорили. Чокнутой считали и побаивались. Сколько народа в болотах этих гиблых сгинуло, а она через них прямоком шастала и не заблудилась ни разу.

Барин о Дарёне слышал только, а в лицо не видел её ни разу. Как охота начиналась, так старики внучку от посторонних глаз прятали – боялись, что признает Мухин в ней свою кровь и заберёт девочку. Он и попытался после того, как од-

нажды её увидел, да только не ушёл далеко – его и двух крепостных волки загрызли, хотя волков в этих местах отродясь не водилось. Лисы были, кабаны, лоси, а волков не было. Мухинские крестьяне долго логово волчье искали тогда, но так и не нашли. А Дарёнка начала рассказывать, что папенька-леший никому её не отдаст. Мол, люди его любимую Полюшку погубили, а в лесу она с ним жила бы, как у Христа за пазухой. Лес её не обидел бы. Потом и правда молва пошла, что Полина Мухина могла бы долгую жизнь прожить, если бы в родовой горячке не призналась мужу в измене. Задушил её Мухин. Собственными руками. До этого молчали все, потому что барина боялись, а после его смерти бояться-то нечего стало.

Дарёнка любила лес, лес любил Дарёнку... В травах она разбиралась, взбесившуюся лошадь могла успокоить, душу людскую насквозь видела. Ей уж замуж выходить срок давно пришёл, а она всё в девках ходила и о замужестве слышать ничего не хотела. Где и от кого сына нагуляла, так и не сказала никому. А потом Остап слёг, и на его место нового лесничего назначили – молодого и крепкого. За него Дарёна замуж и пошла, чтобы в лесу остаться. Стала она Лапина, а сын её так Оленевым и остался.

* * *

– И? – вопросительно приподняла я бровь. – Мораль-то где? В любой сказке есть мораль. Исключение разве что «Ку-

рочка Ряба» составляет.

– Мораль в том, Марфушенька, что весть твоя на виду лежит, а мы её в упор не видим. Преемница ты, а не вестница. Тропой Марфы по болоту ходишь, на могилку её приходишь, бусы вот свои она тебе отдала, потому как быстолковые мы и намёков не понимаем. Только из тебя хранительница, как из Батона белый лебедь. Ты ж лес не любишь.

– Не люблю, – согласилась я.

– И жить здесь не станешь.

– Не стану. И в сказки не верю, и ведьмой лесной быть не хочу. В любом случае здесь скоро никто жить не будет, а лес этот с землёй сравнивают, поэтому, я думаю, вопрос исчерпан.

– Угу, – поморщилась Клавдия Ильинична. – Исчерпан. Спать надо. Утро, как говорится, вечера мудренее.

Глава 9. По закону равновесия

Вот понараскажут на ночь ерунды всякой, а ты потом мучайся до утра кошмарами. Это ужас какой-то. Я во сне то от волков убегала, то вообще непонятно от кого. В болото провалилась, но утонуть не успела, потому что проснулась. Ещё и с дивана грохнулась – он у них старый, узкий и не раскладывается. А потом мне вообще приснилось, что я решила бульдозер остановить, который приехал в Лесное дома сносить. Легла в знак протеста поперёк дороги, трактор этот на меня сверху наехал, рычит... Просыпаюсь, а на мне Батон лежит и мурлычет блаженно. Не ночь, а аттракцион «доживи до утра, сохранив рассудок».

Проще говоря, я не выпалась. Встала на рассвете – злая, опухшая, под глазами круги. Тихонько, чтобы не разбудить хозяев, выбралась во двор и кота наглого туда же за шкирку выволокла. Он, кстати, не особенно упирался. Ему, кажется, даже понравилось.

– Гуляй, чудище блохастое, – вежливо наподдала я ему под зад, помогая спуститься с крыльца.

Мне бы тогда собраться и удрать домой, пока чокнутые старики не проснулись, но на улице так хорошо было – тихо, прохладно, лесом пахнет. Суббота. На работу не надо. Дома меня никто не ждёт. Когда я ещё вот так на природу выберусь? Вокруг Вывинска везде леса, но это не то. Там

пыль, воздух совсем не такой, город слышно, а тут птички щебечут.

Стоило мне подумать о птичках, как где-то недалеко от деревни послышался шум, очень сильно напоминающий работу тяжёлой техники. Звук доносился с той стороны, где располагался мост – это километра два от Лесного, не больше, если по прямой вдоль реки добираться. Я по этой дороге ни разу ведь не ходила и не ездила. Подумала: «Не стройку века же они там прямо сейчас развернуть решили». И заодно решила полюбопытствовать, как местный леший отнесётся к тому, что я не его любимой тропой по лесу хожу – так, просто ради интереса.

Хорошая дорога, прямая. Слева лес с просветами давно пересохшего болота, справа – тоже лес, но только до реки. Полоса метров пятьдесят в ширину. И тоже чахлая, как будто на этой земле нормальным вековым соснам некогда было вырасти. «А когда им расти, если болото только лет десять-пятнадцать назад ушло?» – мысленно возразила я самой себе и обнаружила растущую по обочинам дороги землянику. Вспомнила наставления Бориса о том, что какие-то лесные духи по рукам надают, если неспелые ягоды рвать, и от пуза налопалась спелых. Вкусная земляника – сладкая, ароматная.

– Мяу! – догнал меня приставучий Батон.

– Я далеко иду, у тебя лапки устанут, – предупредила я его.

– Мяу! – ответил мне котяра, задрал хвост трубой и ускорился вперёд.

Отбежит, подождёт, отстанет, потом догоняет, снова вперёд убегает... Я всё ждала, когда ему это надоест, но так и не дождалась. Он ещё и землянику у меня требовал. Первый раз такое видела, чтобы кот с удовольствием ягоды уплетал. И ведь они у него прямо перед носом на кустиках висят – пасть открой и жуй, так ведь нет! Ему надо было с руки ягодку взять, в пылюку её уронить, извальять там и только потом слопать. И об ноги мои ещё потереться в знак благодарности. А сыроежку жрать не стал – я предлагала.

Ближе к развилке лесная полоса между дорогой и рекой основательно расширилась, но шум всё равно было слышно очень хорошо. И голоса мужские тоже, хотя к словам я особенно не прислушивалась – работают люди, орут, технику перекричать пытаются. А когда мы с котом за развилку свернули, «стройку века» ещё и видно стало, но не слишком хорошо – далеко ведь. Только почти у самого моста я поняла, что это не стройка никакая, а с точностью до наоборот. Батону шум не понравился, он в кусты смылся, а я набралась наглости, поймала за рукав первого попавшегося на пути рабочего в спецовке и каске и поинтересовалась:

– Уважаемый, а что это тут такое происходит?

Тоже криком, естественно – иначе он меня не услышал бы.

– А ты слепая что ли? – проорал он мне прямо в лицо, обдав перегаром. – Демонтаж моста тут происходит! Дорога

перекрыта! Через Мухино объезд! Туда иди, если надо!

Демонтаж, ага. Они этот несчастный мост просто по брёвнам тросами растаскивали. Доски к моему приходу снять уже успели и кучкой на другом берегу сложили. Я подумала немного, прикинула расстояние до Мухино и снова привязалась к рабочему.

– А кто разрешение на снос моста дал? Здесь же люди живут!

– Дед Пихто разрешение дал! Отстань! Не мешай работать! Серёга! Вправо его тяни! Вправо, говорю!

Дед Пихто... Я это выражение с детства не слышала. «Кто, кто... Дед Пихто!» – отец мой так говорил иногда и ни разу толком не объяснил, что это за дед такой. Я лет до семи думала, что это брат Деда Мороза.

Постояла немного, посмотрела на творящееся безобразие, а потом развернулась на сто восемьдесят градусов и пошла к Никулиным за оставленным там ноутбуком. Если верить карте, то протяжённость этого вроде как острова в длину составляет километров десять, а в поперечнике – километра четыре. Это получается, что если я хочу вернуться домой, то мне нужно будет от Лесного два километра до развилки топать, потом ещё три с небольшим километра до другого моста, а там километров семь только до ближайшей деревни. Мухино ещё дальше. Есть и третий мост – там, где рукава реки снова вместе сходятся. Чтобы туда попасть, надо либо через пионерский лагерь топать километров пять, ли-

бо через охотхозяйство, где кабаны, злые сторожа и хворый, но наверняка зубастый пёс. Проще говоря, жителей Лесного поставили в такие условия, что если кому-то плохо станет, и нужно будет хотя бы по экстренному и везде доступному номеру «скорую» вызвать, то к приезду врачей спасти уже будет некого.

«Не мытьём, так катаньем», – зло подумала я и свернула на развилке не в «другое лево», откуда пришла, а туда, где раньше через лес ходила. Какая разница, если леший меня всё равно к кладбищу выведет?

Марфина тропа... Пока я ничего об этой тропе не знала, то и не приглядывалась особо. В прошлый раз мне казалось, что это просто самый обычный лес, но после услышанной накануне сказки он каким-то другим стал. Не знаю. Неуютный какой-то. И Батон куда-то запропастился, одной идти пришлось. С котом хоть объяснение было тому, что чужое присутствие рядом ощущается, а без кота... Без кота жутковато стало. Я на часы в телефоне посмотрела – шесть утра. Рань ранняя. Некому в такое время по лесу шастать, а всё равно было такое чувство, что не одна я иду.

«Интересно, а что будет, если свернуть?» – неожиданно решила я для разнообразия поискать очередные неприятности на свою многострадальную пятую точку. Направо посмотрела, налево... И поняла, что я уже перед кладбищем стою. Пару секунд назад вперёд смотрела – лес был. «Ведьмовская телепортация», – мелькнула в голове забавная

мысль, и ноги снова понесли меня к могилке Марфы Оленевой, возле которой на бревне вылизывал лапки рыжий предатель Батон.

– Сбежал, оглоед усатый? – погладила я его по голове и села рядом. – А мне одной идти пришлось. Знаешь, как страшно? Хозяйка твоя права – я лес не люблю. И он меня не любит. У нас взаимная неприязнь. Здесь хорошо, да, но я городская, Батончик. И не Марфа, а Элеонора. Не Оленева, а Климова. В сказки не верю, в ведьм тоже. Ошиблась Марфа Алексеевна. Не ту преемницу для внучки своей выбрала. Не могу я ничего для вас сделать. Бусы порваны, мост разрушен... Бусы порваны... Чего это я о них вспомнила?

И тут мне стало по-настоящему страшно. До этого просто страшновато было, а в тот момент не только душа в пятки ушла, но и все внутренности, и позвоночник, и мозг тоже. Тепло же было, а стало холодно. Птицы замолчали. Лягушки в канаве дружно заткнулись. На плечи легли чьи-то тяжёлые ледяные руки. Ни шевельнуться, ни взгляд скосить – как парализовало. Только могильный холмик перед глазами, табличка с именем и выцветшая пластиковая розочка.

«Всё заberi. Силу и веру свою – всё отдаю. Лес сохрани», – прошелестело в ушах так противно, будто толпа муравьёв из одного уха в другое напрямик через черепную коробку проползла. На затылке волосы дыбом встали. А потом сверху вниз через голову до самого брёвнышка, на котором я сидела, словно ледяная молния шибанула – не больно, но

ощутимо и весьма неприятно.

– Мяу! – сказал Батон, забрался мне на колени и принялся вылизывать моё лицо своим гадким шершавым языком.

И не прогонишь ведь – пошевелиться-то не получается. Все ноги мне оттоптал. Он ведь толстый и тяжёлый.

«Блин, да как я этот лес сохранию, если от меня ничего не зависит?» – мысленно взывала я.

«Всё отдаю...» – снова прошуршало в мозгу, и неприятные ощущения прекратились.

Снова разорались лягушки. Снова запели птицы. Батон прыгнул на землю, задрал хвост, совершенно бессовестным образом пометил бревно, отошёл немного в сторону и позвал меня:

– Мяу.

Я моргнула. Потом покрутила носом. Пошевелила пальцами. Сделала глубокий вдох и почувствовала, как в груди гулко колотится сердце. Ну нельзя так с нормальными людьми. Будь у меня чуть менее устойчивая психика, я бы точно спятила с перепугу. И вроде бы не изменилось ничего, но такое странное чувство появилось, будто бы в меня что-то не моё засунули. Что-то лишнее и раздражающее. И не вынешь – внутри оно где-то, глубоко и не по-настоящему.

Как дошла до деревни, не помню. Увидела возле одного из домов припаркованное на траве «Рено» и чуть не запрыгала от радости – транспорт! Пулей пролетела мимо дома Никулиных, распахнула калитку во двор одиннадцатого дома и

чуть не сбила с ног владельца автомобиля.

– Извините! Здравствуйте! А вы случайно в город не едете сейчас?

– Случайно нет, – прозвучало в ответ, и сильные руки отодвинули меня за плечи немного назад, поскольку я тогда разве что на шее у собеседника не повисла. – Ты Маша?

– Ага, – кивнула я, с восторгом преданной собачки заглядывая через стёкла очков в серые глаза незнакомца. – Мне очень-очень в город надо, правда.

– В какой? – уточнил он, вопросительно выгнув дугой одну бровь.

– В Вырвинск, – моментально уцепилась я за это внимание. – Но можно и в Мухино. Здесь просто связи нет, такси не вызвать, мост сломали, идти далеко...

– Что, так прямо вот срочно надо?

– Угу...

Только тогда до меня дошло, что этот незнакомец откуда-то знает моё имя. Я его в первый раз вижу, а он меня знает. Ничего особенного в этом человеке не было – рост выше среднего, возраст... Что-то около тридцати пяти, наверное. Лицо классическое, но небритое. Ничего приметного или выдающегося. Среднестатистический мужик, как и большинство маньяков.

Подозрительно сузив глаза, я перестала цепляться за рукава его ветровки и сделала шаг назад.

– Простите, мы разве знакомы? – уточнила ледяным то-

НОМ.

– Нет, – пожал он плечами. – Тебя просто Борис искал. Просил передать, если встречу на дороге где-нибудь, что Клавдия Ильинична умерла.

– Что? – вытаращила я на него глаза. – Как умерла? Когда?

– Да я-то откуда знаю? Он минут двадцать назад приходил, я как раз только приехал.

– Минут двадцать... – эхом повторила я и попятилась к калитке, отказываясь верить своим ушам и мыслям.

Двадцать минут назад я сидела у могилы Марфы Оленевой, пришпиленная к бревну, как бабочка, её потусторонним вмешательством в моё личное пространство. «Всё отдаю», – сказала она. Бусы рассыпались, мост разрушен, хранительница леса умерла. Я даже, кажется, начала понимать символичность всего этого. Бусы рассыпались, потому что Марфа уже признала меня преемницей – они и были её весточкой Клавдии о том, что скоро старушку ждёт вечный покой. Сегодня утром я уже не смогла бы проехать через разобранный мост в Лесное и наверняка отказалась бы от этой затеи, поэтому навязанное мне предназначение притащило меня в эти дебри именно вчера. Я своими глазами видела, как люди разбирают мост, отрезая мне путь домой. Клавдия Ильинична умерла... Дело в равновесии. Два хранителя одновременно – это перевес в пользу людей, а всего должно быть поровну. Она ушла именно тогда, когда Марфа передала мне «всё», включая почётную обязанность хранить обречённый лес.

Но я ведь об этом не просила. Я этого не хотела. Я отказывалась. И старушку жалко – она ведь очень даже бодренькая была для своих почти ста лет.

Глава 10. Во власти сомнений

Нехорошо получилось. Вроде как с добрыми намерениями приехала, а вышло всё с точностью до наоборот. Не зная, как теперь в глаза Борису смотреть, я понуро поплелась через дорогу к дому Никулиных, останавливаясь чуть ли не на каждом шагу, чтобы обдумать, что скажу безутешному сыну, только что потерявшему мать. У калитки только поняла, что для траура в доме слишком шумно. «С горя мебель крушит», подумала я и потянулась рукой к калитке.

– Умерла?! Я умерла?! Я тебе сейчас покажу «умерла»!

Борис выскочил на крыльцо и успел пригнуться до того, как вслед за ним из дома полетели веник, железный совок с длинной ручкой, какой-то мелкий неопознанный объект и, кажется, валенок. Правда, у меня не было полной уверенности в том, что я правильно определила вид просвистевшей у Бориса над головой обуви – с моей позиции за калиткой метательные снаряды было видно не слишком хорошо. Но с лыжей я не ошиблась – лыжу не узнать трудно. Она пролетела через весь двор и шмякнулась в небольшой малинник за забором.

Выглядела Клавдия Ильинична очень даже живой и невероятной рассерженной. Всклопоченные седые кудри топорщились во все стороны, накиннутый поверх ночной сорочки халат был застёгнут криво, взгляд метал молнии, а раздобы-

тые где-то по пути из дома грабли в правой руке не предвещали непутёвому ветеринару-пенсионеру ничего хорошего.

За моей спиной раздался короткий смешок, а потом громко и весело прозвучало:

– Доброе утро, тётъ Клав!

Старушка, тяжело дыша, уставилась свирепым взглядом поверх моей головы, постояла так несколько мгновений, а потом поставила грабли к стене, обиженно фыркнула: «Датьфу на вас!» и скрылась в доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.